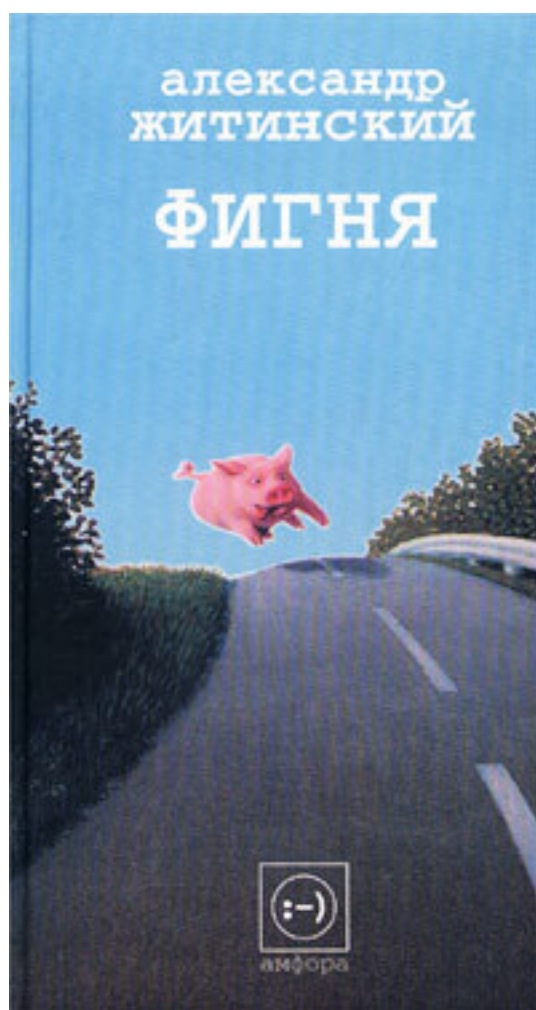

александр
ЖИТИНСКИЙ

ФИГНЯ

Александр Житинский
Фигня (сборник)

«Геликон Плюс»

Житинский А. Н.

Фигня (сборник) / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс»,

Роман-буфф известного петербургского писателя – это комический детектив, изобилующий парадоксальными и смешными ситуациями, с авантурным сюжетом и симпатичными в своем идиотизме героями. Состав сборника: Фигня Филиал Время летать Не уезжай ты, мой голубчик! Барышня-крестьянка Песнь торжествующей любви

© Житинский А. Н.

© Геликон Плюс

Содержание

От автора	5
Фигня	6
Часть 1	6
Глава 1.	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	26
Глава 12	29
Глава 12	30
Глава 14	33
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	41
Глава 20	44
Глава 21	45
Глава 22	49
Глава 23	52
Глава 24	54
Глава 25	56
Глава 26	58
Глава 26	60
Глава 28	62
Глава 29	65
Глава 30	68
Глава 31	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Житинский

Фигня

Истории для кино

От автора

В эту книгу вошли вещи, написанные для кино или же с расчетом на экранизацию. Такого рода проза отличается особым вниманием к фабуле и сюжетным переходам, а также к диалогу. Безусловно, она выглядит несколько облегченной по сравнению с традиционной прозой, однако уже давно стала особым жанром, существующим наряду с фильмами, которые созданы по этим произведениям.

Здесь представлены разные по характеру истории – от комедии абсурда, до триллера. Некоторые из них созданы «по мотивам» – удобная форма создания киноверсий прозы, когда можно уйти достаточно далеко от оригинала. Так киноман «Фигня» по сути написан по мотивам моей повести «Подданный Бразилии», но мотивы эти едва проглядываются. А вот в «Барышне-крестьянке» следование авторскому сюжету было более точным.

Работа в кино никогда не рассматривалась мною как самостоятельная форма творчества. Я придерживаюсь мнения, что автор сценария, киносценарист обязан лишь помогать автору фильма – режиссеру и выполнять его пожелания. Это не исключает собственно литературных задач, которые выполняет сценарий, призванный не только обозначить канву действия, но и всей своей фактурой предугадать атмосферу будущего фильма, пользуясь при этом весьма ограниченным набором средств.

Так случилось, что все фильмы, созданные в Москве, на киностудии «Мосфильм» в мастерской Георгия Данелия, принадлежат Алексею Николаевичу Сахарову, ныне покойному, – замечательному режиссеру и человеку. Внезапная смерть режиссера прервала нашу работу еще над одной экранизацией – совсем в другом жанре, чем завоевавшая популярность «Барышня-крестьянка», а именно, над тургеневской «Песней торжествующей любви», помещенной в этом сборнике. Здесь уже тургеневский оригинал значительно видоизменен, в чем смогут легко убедиться читатели.

Я не скажу, что работа в кино всегда приносила мне моральное удовлетворение качеством выпущенных фильмов. Однако она помогала мне не заботиться о том, опубликуют или нет очередную повесть или роман, а значит, писать их так, как мне представлялось нужным. Ну, и само сочинительство веселых историй для кино, само собой, часто было приятным занятием.

Александр Житинский

Фигня

Кинороман-буфф

*Над страной фигня летала
Неизвестного металла.
Очень много в наши дни
Неопознанной фигни.*

Часть 1

Агенты Интерпола

Глава 1.

Шифровки

Шифровальный отдел Большого дома работал в три смены. Самой напряженной всегда считалась ночная, потому как секретные документы обычно передаются по ночам, под покровом темноты, когда шифрованным текстам сподручнее преодолевать пространства планеты. Последние годы ввиду непрерывных сокращений и переименований КГБ опытные шифровальщицы покинули место работы, – одни ушли в коммерческие структуры, другие – на пенсию, где продолжали по инерции разгадывать ребусы и кроссворды, поэтому в ту ночь, когда началась наша история, в отделе бодрствовали лишь молоденькая шифровальщица Тонечка и старая гримза Зинаида Евгеньевна, которая получала шифровки еще от Рихарда Зорге.

Зинаида Евгеньевна только что приняла телегу на двенадцати листах от японского резидента и привычно, не заглядывая в гроссбух дешифратора, переписывала сообщение русским текстом на бумагу. Компьютеров Зинаида Евгеньевна не признавала.

– Вот чурка! – комментировала она информацию японского резидента. – Пишет, что премьер-министр замешан в махинациях. Об этом в газетах позавчера писали.

– А у меня – из Парагвая, – отозвалась Тонечка. – Очень интересно, только многое непонятно.

– Что там интересного может быть – Парагвае-то? – проворчала Зинаида Евгеньевна.

– Вот послушайте. «Генералу Карамышеву. Известная вам персона по кличке Яшка Тунгус формирует кабинет министров. В него уже вошли проходившие по разным делам Витя Бакс, Кенгуру, Жид Захар и Мурик. Посты силовых министров пока вакантны. Считаю необходимым приступить к ликвидации банды... Ортега Гонзалес».

– Он такой же Ортега, как я Майкл Джексон, – прокомментировала Зинаида Евгеньевна. – Петька Курашов его зовут, в Парагвае уже лет двадцать ошивается. Синекура. Скорее всего, придумал все от начала до конца. Он Парагваю этому вшивому все время цену набивает. Ликвидация банды! Да кто ж ему денег даст на ликвидацию?

– И все же непонятно, – вздохнула Тонечка, – почему этот Тунгус формирует кабинет? Там что – нет кабинета?

– А вот это уже – не нашего ума дело, – строго сказала Зинаида Евгеньевна. – Наверху разберутся.

Некоторое время работали молча, переводя значки и цифры в осмысленный текст. Как вдруг Зинаида Евгеньевна рассмеялась:

– Тонечка, посмотри! Ну просто за людей уже не считают!

Тоня оторвалась от своего компьютера, подошла к коллеге и заглянула ей через плечо. На столе лежала шифровка, начинавшаяся словами: «РНБДПЧДММН РДИПДСМН!». И далее несколько рядов букв такой же абракадабры.

– Знаешь шифр? – строго спросила Зинаида Евгеньевна.

– Не-ет... – пролепетала Тонечка.

– Плохо. Двойка. Это Интерпол нас на вшивость проверяет. Шифр элементарнейший. Пользовались им русские разведчики в первую мировую войну. Даю три секунды на расшифровку. Раз, два...

– Ой, погодите!.. Нет, не могу... – Тонечка чуть не плакала.

– Три! – торжествующе провозгласила Зинаида Евгеньевна. – Эти слова означают «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Каждая буква заменяется следующей за ней буквой русского алфавита. Такие вещи знать надо, радость моя... – проворковала довольная гримза. – Уйду я – как будете работать?

– Ну и что там написано? – смущенно поинтересовалась Тонечка.

– «В ответ на ваш запрос сообщаем о готовности Интерпола принять на стажировку двух сотрудников российских служб безопасности для отработки приемов борьбы с международной организованной преступностью. Заведующий международным отделом Интерпола Ферри О'Нейл», – Зинаида Евгеньевна читала шифровку, как обычную газету.

– Здорово! – восхитилась Тонечка.

– Ничего здорового не вижу, – сухо проговорила Зинаида Евгеньевна. – В Интерполе думают, что у нас совсем специалистов не осталось. Такие шифры гонят! Ничего, я им исходящее зашифрую «сигмой плюс». Они там попрыгают!

«Сигма плюс» был новейший шифр, в котором буквы зашифровывались сложной формулой, включающей дату и астрономическое время написания текста, так что для правильной расшифровки требовалось угадать, когда был составлен текст.

Тонечка вернулась к своему месту и принялась за очередной документ.

Шифр был непростой, но, повозившись минут пятнадцать, она записала в компьютер следующую расшифровку телеграммы:

«Международный форум боди-реслинга приглашает представителя России для участия. Заявку просим прислать в оргкомитет до 15 июня с. г.»

– Зинаида Евгеньевна, а что такое боди-реслинг? – робко спросила Тонечка.

– Я думаю, это туризм, – не отрываясь от документа, ответила Зинаида Евгеньевна.

Тонечка не знала, что такое туризм, но переспрашивать побоялась. Поразмыслив еще секунд десять, она написала адрес телеграммы: «Комитет по культуре».

Глава 2

Последнее задание

Жрать в доме было нечего.

Позавчера мать продала за доллар последнюю мельхиоровую вилку и тут же пропила его со своим сожителем Семеном, одноногим ветераном Корейской войны.

Правда, Семен утверждал, что ногу ему оторвало во Вьетнаме, но как он мог там оказаться? Во Вьетнаме наши, как известно, не воевали. Не воевали они и в Корее, но это официально. Негласно же Семен летал на северокорейском самолете стрелком-радистом и лично сбил одну «летающую крепость». Обмен американской «летающей крепости» на оторванную ногу плюс медаль «За отвагу», которую Семен тоже давно пропил, был вполне выгоден. И сам

Семен так считал. Корею же перепутал со Вьетнамом по давности лет и благодаря хроническому алкоголизму.

Да и мудрено ли перепутать две столь отдаленные страны, населенные весьма похожими существами?

Семен, пропивая вилку, все удивлялся: «Знать бы во Вьетнаме, что на доллары пить придется, я бы их там мешок насшибал!» Врал, наверное.

Короче говоря, вилок в доме уже не осталось, да они были и не нужны, потому как есть ими было нечего. Ольга нашла в дальнем углу кухонного шкафчика бумажный кулек, в котором чудом сохранилась половинка печенья «Мария», и позавтракала.

Теперь нужно было отправляться на работу. Но на какую? Дело в том, что Ольга Пенкина, корреспондент по профессии, сотрудничала с десятком питерских газет и со всеми неудачно. Это касалось и коротких репортажей, которые она писала, и фотоснимков. Последнее фото, изображавшее Гребенщикова сидящим на корточках в буддийском храме перед заезжим ламой, ей удалось опубликовать месяц назад и получить за него червонец, то есть десять тысяч. С той поры ни фотографии Карла Льюиса, ни описание и изображение митинга протеста против «Игр доброй воли», ни душераздирающие сцены похорон генерального директора АО «Синтезатор» Башмакова, застреленного в своей постели вместе с двумя любовницами, не заинтересовали редакторов. Причиной тому, по всей вероятности, было низкое качество негативов, потому что Ольга за неимением средств снимала допотопным «Любителем», который хотя и выдавал негативы бхб, но никак не мог конкурировать с «Минолтами», «Олимпусами» и «Кодаками».

Ольга мечтала о «Минолте» и старалась заработать на камеру, снимая «Любителем», но это совсем не то же самое, что заработать на «Любитель», снимая «Минолтой».

Ольга спрятала «Любитель» в сумку и направилась в «Северный курьер» – новую газету с криминальным уклоном (то есть там рассказывали о криминальных делах, да и издавали ее, похоже, тоже уголовники...).

Главный уголовник, то есть редактор, по прозвищу Тщедушный, потому что он был временно тщеславным и душевным мафиози, отчего и взялся издавать газету, не довольствуясь только рэкетом, вернул Ольге три пленки, не пошедшие в дело, и сказал:

– Последнее тебе задание, Пенкина. Ступай в Большой дом и отними брифинг интерполовцев. Я бы послал своих, но они в этот дом идти не желают. Не нравится им эта хаза. А ты все-таки девушка.

Ольга вспомнила, что первоначальное наименование газеты было «Северный бандит», но комитет по печати отказался регистрировать газету с таким названием, и Тщедушный придумал синоним, который, кстати, уже начинал входить в обиход.

«Тридцать пять тысяч одних курьеров» – так называлась статья в «Часе пик» о разгуле организованной преступности.

– Заметано, – сказала Ольга, мысленно сплюнув.

Она даже в разговоре с бандитом старалась выглядеть профессионалкой. Не всегда это удавалось. Родом Ольга была из деревни под Будогощью, образование восемь классов, а фотографировать ее научил один заезжий дачник из Москвы, кажется, художник. Он и подарил Ольге свой «Любитель», одновременно пытаясь склонить к сожительству на колхозном сеновале, но Ольга не далась, хотя ей было тогда семнадцать лет. О чем сожалела до сих пор, поскольку никаких домогательств с тех пор не наблюдалось, – и это было странно, ибо вид Ольги прямо-таки взывал к сожительству, но разве что на сеновале. Ольга была кровь с молоком, плотно сбитая, мордастенькая, шустрая, языкастая, с круглыми аппетитными коленками. Одним словом, красotka.

Но бизнесмены и бандиты предпочитали других, похожих на красоток из западных журналов – длинноногих, томных, худющих, раскрашенных, как первомайская демонстрация.

Ольга один раз смотрела «Пентхауз» до седьмой страницы – дальше не смогла. С тех пор решила никогда никому не отдаваться, чтобы ненароком не впасть в порнографию. А было ей уже двадцать три. Самое время.

Однако инженеру или служащему что отдаваться? Отдашься – и дальше что? Продавай вилки, если они у него есть, что тоже сомнительно...

Ольга отправилась в Большой дом пешком, благо он был неподалеку от «Курьера». Проходя по улице Пестеля, до сих пор по непонятным причинам не вернувшей себе старое название, она увидела забавную сценку.

К старому дому, где шел капитальный ремонт, подъехал «мерседес», начиненный пятью коротко стриженными молодыми людьми. Одновременно бесшумно опустили все стекла машины, из окон «мерседеса» высунулись пять автоматных стволов вороненой стали – два слева и три справа – и принялись поливать пространство длинными и слегка заунывными очередями. Правые стволы стреляли по пустым окнам ремонтируемого дома, а левые поверх голов прохожих, видимо, просто за компанию.

Прохожие в радиусе ста метров нехотя легли на тротуар и принялись выжидать. В это время из окон обстреливаемого дома высунулось дуло пулемета, который тоже начал издавать громкие отрывистые звуки. В «мерседесе» на глазах стали образовываться аккуратные круглые дырки. Себестоимость предстоящего ремонта автомобиля с каждой секундой увеличивалась на сто долларов.

Ольга тоже улеглась на углу Моховой, не забыв подстелить газету «Пятница» со своей фотографией Гребенщикова, и не спеша извлекла из сумочки «Любитель». Навела на резкость, щелкнула. В ту же секунду один из стволов «мерседеса» сосредоточил огонь по ней.

– Вот говно, для его же газеты стараюсь... – пробормотала Ольга, продолжая съемку.

Автоматчик, видимо, был таким же дилетантом в стрельбе, как Ольга в фотоискусстве. Но патронов израсходовал больше, чем Ольга кадров. Внезапно Ольга заметила лежащего ничком в двух шагах от «мерседеса» молоденького лейтенанта милиции в форме. Время от времени он поднимал голову, и тогда можно было увидеть его голубые, полные непонимания глаза. Пули бодро свистели над ним в обе стороны. Лейтенант абсолютно не интересовал курьеров, хотя был вооружен табельным оружием, торчавшим в кобуре на боку.

Ольга улучила момент, когда он в очередной раз покажет свое простое и доверчивое лицо, – и щелкнула. «Клевый кадр! – мысленно похвалила она себя. – И мент молодец. Храбрый. Другой бы давно обосрался».

Ольга, подобно всем деревенским, не делала различия между нормативной и ненормативной лексикой, поскольку в устном и печатном обиходе грань между ними стерлась еще до переезда Ольги в Питер.

Мерседес наконец, получив десятка три мелких пробоин в своем туловище, умчался на станцию техобслуживания. Из него капала кровь, оставляя на улице Пестеля красную пунктирную полосу. А лейтенант, приободрившись, вскочил на ноги и, выхватив из кобуры пистолет системы Макарова, прыгнул прямо в окно ремонтируемого дома. Именно в то, из которого десять секунд назад торчало дуло пулемета.

«Все. Покойник», – подумала Ольга, зачехляя фотоаппарат и пряча «Пятницу» в сумку. После чего отправилась дальше.

Прохожие с недовольным видом разбредались по своим делам.

Глава 3

Верните табельное оружие

Когда Иван сообразил, что стреляют, первым движением его было – выхватить пистолет, а вторым – упасть на тротуар. Второе движение удалось лучше, и Иван упал рядом с подка-

тившим «мерседесом», из которого началась пальба. Он прижал щеку к пыльному тротуару, успевая фиксировать события, происходящие в окнах ремонтируемого дома, ибо голова Ивана оказалась повернутой именно туда.

Рабочие в спецовках, только что занимавшиеся мирным ремонтным делом, побросали мастерки, выставили в пустой проем окна первого этажа пулемет и ответили на нападение такой же беспорядочной пальбой.

Иван на мгновение приподнял голову в надежде увидеть автомобиль патрульной милицейской службы, но заметил вокруг только разбросанные по тротуару тела земляков. Кто из них был жив, кто мертв – поди догадайся.

Несомненно живой была лишь девушка метрах в тридцати от Ивана, которая, лежа на животе, заглядывала сверху в видеоискатель «Любителя», невзирая на выстрелы.

Иван снова уронил голову на тротуар и принялся напряженно размышлять, как не ронять достоинства.

Вскочить на ноги и дать предупредительный выстрел в воздух? Так требовал Устав, но не обстоятельства. Во-первых, в бешеной обоюдной пальбе одинокий предупредительный выстрел милиционера наверняка прозвучит неубедительно, во-вторых, Иван вряд ли успеет произвести следующий выстрел – на поражение, поскольку будет скошен очередями.

Стрелять из положения лежа? Но в кого? Чью сторону он должен принять? И допустимо ли лейтенанту УВД принимать чью-нибудь сторону в разборке двух бандформирований?

В том, что происходит разборка, сомневаться не приходилось. Молодые люди в «мерседесе» сомнений не вызывали, и строительные рабочие с пулеметом на месте работы тоже выглядели подозрительно.

Главное, Иван опаздывал. Перестрелка сильно его задерживала и срывала все планы. И еще было жаль пачкать форму – новенькую, ненадеванную.

Он еще раз приподнял голову и успел заметить, что проклятая девка с фотоаппаратом нажала на спуск.

«Компрогат...» – подумал Иван, роняя голову на другую щеку.

Теперь он мог полюбоваться молодцами в «мерседесе». Все были как на подбор – с круглыми стриженными головами и квадратными подбородками. Но стрелять явно не умели. «Калашниковы» тряслись у них в руках, как больные Паркинсона. Один из бандитов уже уронил голову на плечо другому и матерился сквозь зубы. Видно, его пробило пулей.

«Мерседес», исчерпав аргументы, умчался, лишив Ивана возможности выбирать. Преступники остались лишь в доме, поэтому Иван, вскочив на ноги и выхватив пистолет, прыгнул в опустевшее окно. Уже на подоконнике он вспомнил о предупредительном выстреле, выпалил вверх, попал в перекрытие, из которого вывалился кусок бетона и рухнул ему на плечо.

Но Иван этого даже не заметил. Он ринулся внутрь захламленного лабиринта комнат, лестниц и перекрытий.

Он выскочил на лестничную площадку и побежал влево, откуда слышался топот ног.

– Стой! – крикнул Иван, и эхо гулко разнесло его голос по этажам.

Вдалеке мелькнула убегающая фигура. Иван повернул туда, вбежал в пустой проем двери, и тут ему на голову упал черный просмоленный рулон рубероида.

Лейтенант покачнулся, на мгновение потерял ориентировку и был тут же схвачен двумя злоумышленниками в комбинезонах, выскочившими неведь откуда. Один был громада высокого роста, другой, напротив, складный худощавый человек лет тридцати пяти. Что поразило Ивана – так это его предельно интеллигентное лицо с тонкими, прямо-таки аристократическими чертами.

В мгновение ока лейтенанта повалили на пол лицом вниз, пистолет выхватили, руки заложили за спину. В довершение всего бандиты ловко запеленали Ивана в тот же рулон рубероида, который на него свалился, так что из рулона выглядывали лишь голова и ботинки Ивана.

– Не смей, сволочи! – хрипел Иван.

– Помалкивай, служивый, – отозвался Горилла.

– Нигде не давит? – участливо поинтересовался Интеллигент, когда работа по упаковке Ивана была окончена.

– Нет, спасибо, – автоматически ответил вежливостью на вежливость Иван.

Тут он просто последовал совету преподавателя школы милиции по курсу «Милицейский этикет», который неоднократно говорил, что на вежливость нужно отвечать вежливостью автоматически.

Откуда-то появился хорошо одетый человек с кудрявой черной бородкой и кейсом в руке. По виду главарь. Ему передали пистолет Ивана, он поставил его на предохранитель, спрятал в кейс.

– Зачем суешься не в свои дела, дурила? – ласково обратился он к Ивану.

– Отдайте пистолет! – потребовал Иван, извиваясь в рубероиде.

– Самим пригодится... – пробормотал Горилла.

– Мужики, я на брифинг опаздываю, – сказал Иван уже довольно мирно.

– Слышь, Федор, на брифинг опаздывает, – улыбнулся Главарь, обращаясь к Горилле.

– Хуифинг, – сказал Горилла.

– Не выражаться на работе! – прикрикнул на него Главарь.

– А что за брифинг, господин лейтенант? – поинтересовался Интеллигент.

– Не могу сказать. Служебная тайна, – ответил Иван. – Пистолет-то верните, не будьте скотами. Меня в загранку не пустят за утерю табельного оружия.

– Может, отдадим, Александр Маркович? У господина лейтенанта загранка накрывается медным тазом, – сказал Интеллигент.

– Я же сказал, Максим. Не выражаться, – устало проговорил Главарь. – Попользуемся и отдадим! – громко, как глухому, прокричал он Ивану, склонившись к рулону.

Он повернулся и не спеша пошел к выходу. Максим и Федор последовали за ним.

– Только не палите из него почем зря! Мне за патроны отчитываться! – крикнул им вдогонку Иван.

Шаги бандитов стихли.

Иван попробовал перемещаться, отталкиваясь носками ботинок от пола. Получалось плохо. Тогда он, напружинив тело, резко выгнулся. Рулон подпрыгнул, переместившись сантиметров на тридцать. Иван выгнулся еще раз, еще...

Рулон, прыгая, как лягушка, приблизился к лестничному пролету и с шумом скатился со ступенек, разматывая Ивана. Лейтенант поднялся на ноги, горестно осмотрел мундир, перепачканный смолой и грязью, застегнул пустую кобуру и отправился на брифинг.

Глава 4

Напарники

В пресс-центре бывшего Управления КГБ, а ныне Управления Федеральной службы безопасности готовились к пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. Такие пресс-конференции были еще в новинку для бывалых сотрудников КГБ, привыкших, что буквально все сведения касательно деятельности этого учреждения составляют государственную тайну, но и они мирились с веяниями времени. Хотя не любили эти веяния. Тайно работать проще.

Особенно же не любили журналистов – это наглое и продажное племя, которое в былые годы рассыпалось перед чекистами в комплиментах, а теперь не уставало поливать грязью. Потому пропускной режим на пресс-конференциях был особенно жесток.

Фотокорреспондент Ольга Пенкина хорошо это знала, поэтому запаслась удостоверением молодежного агентства «НИКА», а не одиозного «Курьера». «НИКА» расшифровывалось как Независимое информационно-коммерческое агентство, печатало новости и рекламу, но больше всего – скандальную хронику. В «НИКЕ» работал приятель Ольги вечный тусовщик Миша Зуйков, он-то и исхлопотал удостоверение.

Однако на прапорщика в дверях здания удостоверение «НИКИ» не произвело никакого впечатления.

– Вас нет в списке, – заявил он.

– Вызовите генерала! – сказала Ольга.

– А может, сразу министра? – предложил прапорщик.

– Та-ак... – Ольга отступила на шаг, выхватила «Любитель» жестом, которым обычно выхватывают гранату, и нацелилась на прапорщика. – Цепной пес демократии! – выкрикнула она.

Прапорщик блаженно улыбался. Он уже был цепным псом коммунистов, сейчас служил демократам, а в перспективе готов был до пенсии сидеть на цепи у либералов или неофашистов.

Но девушка ему нравилась. Была в его вкусе.

– Фотку подаришь – пущу... – неожиданно улыбнулся он.

– Чью? Вашу? – не поняла она.

– Свою...

Ольга пошла за фотографией.

А в это время в комнате за сценой конференц-зала ждали четвертого участника пресс-конференции, которым был лейтенант милиции Иван Серeda, выпутывающийся из рубероида в пустом доме на улице Пестеля.

Ожидавших было трое – генерал госбезопасности Глеб Карамышев, продвинувшийся за три года на это звание со звездочек капитана. За каждый удачно подавленный путч он получал сразу две новых звезды. Поэтому звезд у Глеба было много, а лет по-прежнему мало, не более тридцати пяти.

Вторым был капитан госбезопасности Вадим Богоявленский, высокого роста, стройный и подтянутый, напоминавший чем-то белогвардейского офицера. Между прочим, бывший друг, одноклассник Карамышева. Вадиму не так повезло с путчами, поэтому звезд на погонах у него осталось четыре – и все маленькие. Очевидно, неудачи карьеры объяснялись ненадежной фамилией Богоявленский, от которой за версту разило церковным духом. Внешность и манеры капитана также были излишне изысканными для КГБ. Потому, когда случался путч, его держали в запасе или на мелких поручениях, а на передовую, к телецентру, крушить боевиков оппозиции, посылали Карамышева.

И наконец, в комнате находился полковник милиции Редькин, давно перешедший границу пенсионного возраста, но сохраняемый в кадрах ввиду тяжелой криминогенной обстановки, а также за былые заслуги по организации похорон Сталина.

– Где же ваш человек, полковник? – нервно взглянув на часы, спросил Карамышев. – Пора начинать.

«Заткнись, сопля несчастная», – подумал полковник, но вслух сказал:

– Не могу знать, товарищ генерал. Исправный офицер.

– Не иначе раскрывает преступление, – иронически проговорил Карамышев, но Редькин иронии не понял.

– Если так, молодец, товарищ генерал!

– Глеб, кончай волокиту. Начнем без мента, – по старой памяти, как к равному, обратился Богоявленский к Карамышеву.

Он не учел присутствие постороннего, и не просто постороннего, а представителя конкурирующего ведомства. Карамышев приосанился и громко крикнул:

– Встать! Как вы обращаетесь к старшим по званию, капитан?!

С испугу вскочил полковник Редькин, капитан же продолжал сидеть.

Редькин, видя, что вопрос направлен не ему, смущенно плюхнулся в кресло, а Вадим, напротив, нехотя встал.

– Смирно! – еще громче закричал Карамышев.

Богоявленский принял стойку, которую с некоторой натяжкой можно было принять за стойку «смирно».

– Как положено обращаться к старшему по званию, капитан? – грозно повторил генерал.

Капитан не успел ответить, потому что распахнулась дверь, и в комнату ввалился запыхавшийся лейтенант ГУВД Иван Середа.

Было такое впечатление, что Середу вымазали дегтем, а затем вываляли в пыли. Лицо было исцарапано, руки в крови, ботинки серы от пыли.

– Товарищ полковник! – приложил ладонь к козырьку Иван. – Лейтенант Середа явился...

– Не запылится... – ядовито вставил Карамышев.

– Никак нет, товарищ генерал. Запылился. И загрязнился, – сокрушенно проговорил Иван, поворачиваясь к генералу.

Полковник Редькин вскочил с кресла и обежал лейтенанта мелкими шажками:

– Что за вид, Середа? Ты знаешь, куда ты пришел, Иван?!

– Так точно, товарищ полковник! В Северо-Западное управление Федеральной службы безопасности России! – бодро отрапортовал Иван.

– Вот именно. На брифинг, – вставил генерал. – Знаешь, что такое брифинг?

– Так точно! Вчера узнал. От немецкого слова Brief, что означает «письма». Писание писем!

Карамышев вытаращил глаза, но опровергнуть информацию не решился, поскольку немцам владел в пределах курсов повышения квалификации офицеров КГБ. Зато Вадим Богоявленский презрительно бросил:

– Чепуха!

Но расшифровывать слово не стал. Этот щекотливый вопрос проехали, и Карамышев приказал Вадиму и Ивану переодеться для брифинга, ибо предстать перед прессой оба должны были в специальной униформе.

Переодеваясь, Иван коротко рассказывал Редькину о происшествии на улице Пестеля:

– А они как подкатят, да как начнут: пах! пах! А те в ответ: тра-та-та-та! А эти: бабах! Дырки в «мерсе» — во! Кулак пролезет...

– Ну ладно, а ты где был? – спросил Редькин.

– Рядом. Участвовал в задержании.

– Ну и?..

– Задержали... На пятнадцать минут, – сказал Иван.

– И отпустили?! – изумился полковник.

– Как видите, – сказал Иван.

– Так кто кого отпустил? – запутался Редькин.

– Меня отпустили, – признался Иван.

– Тьфу ты! – рассердился полковник. – А я думал...

– Не... Не получилось их взять. Но я всех в лицо запомнил, – сказал Иван. – Не уйдут.

Наконец оба молодых офицера переоделись и предстали перед начальством в том виде, в каком их должны были увидеть журналисты: белоснежные блестящие обтягивающие костюмы, нечто среднее между одеждой астронавтов и костюмом любителей подводной охоты, на лицах

– маски, как у Фантомаса. Они были бы совершенно одинаковы, если бы не разница в росте и в комплекции.

И тут Карамышев решил их познакомить.

– Вам предстоит работать вместе не один день. Вы должны хорошо узнать друг друга. Пожмите руки, товарищи!

Иван с готовностью протянул свою крепкую ладонь и стиснул узкую аристократическую ладошку Вадима. Тот скривился от боли, даже под маской было заметно.

– Потихе, пожалуйста... Капитан Богоявленский, – произнес он.

– От души... Лейтенант Середа, – широко улыбнулся Иван.

– Капитан Богоявленский назначен старшим группы, – сообщил генерал.

Редькин обиженно засопел.

– Группа-то межведомственная, товарищ генерал... Можно бы и без субординации.

А сам подумал: «Опять органы всех под себя подминают!»

– Приказы не обсуждаются, – сухо отрезал Карамышев. – Прошу на сцену, – он указал обоим Фантомасам – высокому худому и плотному маленькому – на дверь, ведущую в зал.

Глава 5 Брифинг

Зал пресс-центра был заполнен журналистами до отказа. Четверка представителей служб безопасности расселась за столом, где таблички с наименованием должности, звания и фамилии имелись лишь у двух центральных мест, а именно – у мест Карамышева и Редькина. Места российских Фантомасов никаких данных не имели.

Карамышев придвинул к себе микрофон и начал говорить.

– Дамы и господа! Уважаемые товарищи! В соответствии с программой усиления борьбы с организованной преступностью и договоренностью между российскими компетентными органами и Интерполом на длительную стажировку за рубеж отправляются два сотрудника российских служб безопасности. Ранее подобные акции хранились в глубокой тайне, однако политика гласности, проводимая в нашей стране, вносит свои коррективы в работу милиции и службы безопасности. Мы хотим представить вам агентов, вы можете задать им вопросы. Надеюсь, не нужно объяснять, почему они в таком виде. Определенные круги у нас и за рубежом дорого заплатили бы за то, чтобы иметь их фотографии... Прошу вопросы.

Первой подняла руку пожилая иностранная леди, увешанная десятком фотоаппаратов, под тяжестью которых она колебалась, едва не переламываясь в поясище.

– Журнал «Тайм». Соединенные Штаты Америки, – представилась она на плохом русском языке. – Какого рода задание будут выполнять агенты?

– Программа разработана Интерполом и будет сообщена агентам по прибытии на место назначения, – сказал генерал.

– А что это за место? – выкрикнул кто-то.

– Может, адрес вам назвать? – пошутил генерал. – В Европе. Это точно.

Гул разочарования прокатился по залу. Журналисты поняли, что и на этот раз правды им не скажут.

Поднялся неправдоподобно черный негр с белым воротничком.

– Омубу Бусленга, Зимбабве. Намечается ли сотрудничество с африканскими странами? – спросил он.

Генерал и полковник переглянулись. Проблемы африканской преступности пока мало волновали цивилизованные страны.

– Почему же нет... Посотрудничаем... Когда русская мафия до вас доберется, – тоже пошутил полковник, не желая отставать от генерала.

Журналисты что-то застрочили в блокноты.

– Можно ли понимать вас так, что Россия регулирует засылку своих преступников в другие страны? – вскочил с вопросом эстонец из газеты «Ээсти Вээсти».

– Упаси вас Бог! – испугался Редькин, а Карамышев, выхватив микрофон у коллеги, предупредил, что на провокационные вопросы ответов не будет.

Внезапно в дверях зала возник шум. Там пробивалась сквозь охрану Ольга Пенкина с «Любителем» на шее и диктофоном в руках.

Ее пытались не пустить.

– Я требую! – раздался ее возглас.

Журналисты обернулись к дверям.

– Что там такое? – спросил генерал в микрофон.

– Без приглашения, товарищ генерал! – доложил через зал дежурный в дверях.

– Я представляю молодежную прессу! Не имеете права! – билась в дверях Ольга.

Западные журналисты наострили уши. Запахло зажимом гласности и демократии.

– Пропустите, – приказал Карамышев.

Ольга независимо тряхнула мальчишеской прической и прошла по проходу в первый ряд, где уселась рядом с пожилой американкой из журнала «Тайм». И тут же вызывающе протянула руку с диктофоном к сцене.

Снова встала американка, покачиваясь под тяжестью грозди фотоаппаратов.

– Американскую публику интересует вопрос, почему только сейчас Россия вступает в международные контакты по борьбе с преступностью? Разве раньше в этом не было необходимости?

– М-м... – промычал Карамышев. – Железный занавес, мэм... Необходимости и вправду не было.

И тут американка, громохоча фотоаппаратами, все-таки упала. Ее принялись поднимать. Первой бросилась Ольга. Она довольно быстро извлекла пожилую леди из-под груды оптических приборов и спросила на языке, который считала английским:

– Вы не ушиблись?

– Простите, я не говорю по-немецки, – сказала корреспондентка, но потом рассыпалась в благодарностях Ольге и даже выбрала из кучи фотоаппаратов один и повесила Ольге на шею.

– Тебе! – Она ткнула Пенкину пальцем в довольно пухлую грудь.

– Мне?! – ткнула себя в грудь Ольга.

– Да! Да! Он есть тяжелый для мой лет, – сказала американка.

Ольга посмотрела на камеру. Это была «Минолта»! Ольга прижала фотоаппарат к груди, из глаз ее брызнули слезы, она в порыве благодарности расцеловала старую леди, а потом принялась бешено обстреливать из «Минолты» президиум и зал, упиваясь возможностями камеры.

Брифинг продолжался.

– Газета «Московские новости», – поднялся журналист в третьем ряду. – Вопрос к милиции. Каковы масштабы организованной преступности в России?

Редькин шумно вздохнул.

– Ну, какие масштабы... Я бы сказал – отдельные негативные явления.

Ольга возмущенно вскочила с места.

– Ольга Пенкина, агентство «НИКА». Вы говорите – отдельные явления? Я только что своими глазами видела перестрелку двух банд на улице Пестеля! Среди бела дня! А ваш сотрудник, лейтенант, между прочим, валялся на тротуаре и прикидывался мертвым, как божья коровка, поджав лапки!

Иван возмущенно заерзал на стуле, но себя не выдал.

– Ну и... Ваш вопрос? – недовольно спросил Карамышев.

- Меня интересуют имена агентов.
- Этого я не могу вам сообщить.
- А что вообще вы можете сообщить? Где гласность?! – еще более возмутилась Ольга.
- Прошу не мешать проведению брифинга, – теряя терпение, сказал генерал.
- Тогда у меня вопрос к нему, – ткнула она пальцем в Ивана. – Пусть расскажет о себе.

Это интересует нашего читателя.

Ольга села, снова выставила вперед руку с диктофоном.

Иван нехотя придвинул к себе микрофон. Однако его предупредил генерал, поставивший микрофон на место.

– Извините, нам нельзя обнародовать голоса агентов, – сказал он. – Возможно опознание по звуку. Спрашивайте, полковник будет транслировать.

– Я уже спросила. Меня интересует возраст, семейное положение, образование... Если оно есть. Все, что сочтет нужным, – сказала Ольга.

Редькин склонил ухо к Ивану, тот принялся шептать что-то полковнику. Редькин напряженно вслушивался и зачем-то загибал пальцы. Потом он отвалился от Ивана и приткнулся к микрофону.

– Мне двадцать пять лет, – заявил полковник. – То есть ему, – поправился он, услышав смех в зале. – Родился в деревне. В какой, сказать не могу. Окончил высшую школу милиции. Не женат.

Это было все, что счел нужным Иван сообщить о себе.

Но Ольге этого было мало.

– Кто ваши любимые литературные герои? – спросила она, чем повергла полковника и лейтенанта в глубочайшее уныние.

Они долго совещались, потом Редькин объявил:

– Том и Джерри!

Глава 6

Сборы в дорогу

Определенно Пенкиной начало везти!

Первым доказательством была американская «Минолта». Вторым – немедленная публикация в «Курьере» на первой полосе фотографии лежащего на тротуаре лейтенанта милиции с торчащими над ним из «мерседеса» стволами автоматов. И наконец, третьим доказательством стало то, что Тщедушный предложил Ольге заграничную командировку!

– Поедешь с ними, – сказал он. – Разведка донесла номер рейса. По дороге постарайся опознать, подружиться...

– На интим не согласна! – гордо заявила Пенкина.

– Ну и дура! Какой интим в самолете? Хотя если постараться... – задумчиво сказал он, видимо, что-то припоминая.

– А дальше? – спросила Ольга.

– Сообщай все, что сможешь узнать. Фиксируй каждое движение. И фотографии. Больше фотографий.

– Денег дадите – будут фотографии, – сказала Ольга.

Тщедушный открыл ящик стола, засунул туда руку и не глядя извлек пачку измятых долларов. Прикинул их на вес.

– Тонны три... Хватит?

– На первое время, – сказала Ольга, поражаясь собственной наглости, ибо самая большая сумма в валюте, которую она когда-либо держала в руках, исчислялась двадцатью дойч-марками.

Мать Ольги, узнав, что дочь собирается за границу, устроила скандал, перешедший в запой с тем же Семеном. Ольга спонсировала запой пятнадцатью долларами, больше не дала. На продукты не пожалела бы, но понимала – пропьют. Купила в дом алюминиевую посуду, ножи и вилки. А себе – новые джинсы и кодаковскую пленку.

Визу сделал «Северный курьер». Лететь предстояло в Париж. Ольга взяла в библиотеке Хемингуэя и быстро прочла, как он там жил в Париже.

Ей понравилось, особенно названия напитков, которые употреблял писатель.

Относительно опознания она особенно не беспокоилась. Надеялась на свой профессиональный взгляд фотографа. Еще уходя с брифинга, заметила, как двигались Фантомасы: высокий слегка расслабленно подволакивал ноги, а коренастый косолапил. И еще была наводка: Том и Джерри. Просмотрела три видеокассеты и купила комикс про кота и мышку. Еще пять долларов.

Волновалась только насчет языков, которым была не обучена. Но знала – в Париже полно русских. Выручат.

Перед отъездом мать слегка протрезвела и пришла к Ольге прощаться.

– Ты вот что, доча... – сказала она, глядя на Ольгу затуманенным влажным взглядом. – Назад не торопись. А лучше всего – оставайся там.

– Как? – ахнула Ольга.

– Выходи замуж. Пора. Французы, говорят, на наших девок падкие.

– Так я ж языка не знаю!

– И не надо. С мужиком ляжешь, никакого языка не потребуется.

– Так это у нас. А они, может, поговорить любят.

– И у нас, и у них в этом деле не до разговоров, – мудро заметила мать.

– А в других делах? – засомневалась Ольга.

– Выучишься. Не дура. Все равно возвращаться тебе будет некуда. Денег нету, я одну комнату продам. Честно говорю.

Ольга всплакнула. Не стала напоминать матери о том, как вытащила ее из деревни два года назад, получила две комнаты в коммуналке как лимитчица, работая на стройке ученицей штукатура, как кормила и поила ее вместе с Семеном... Но качать права не стала. Верила, что эта поездка перевернет ее судьбу и выведет в люди. И не с французом, а саму по себе.

«Сдам ментов бандитам за очень крупную сумму, – подумала она мстительно. – По десять тонн баксов за нос!»

Глава 7

Бриллианты от Зумика

Александр Маркович Вайнзуммер по кличке Зумик был не просто евреем с высшим физико-математическим образованием, а евреем патриотически настроенным. Все уже давно уехали, а Зумик и не помышлял об этом. Он был демократом и реформатором, строил капитализм в России и пытался внедрить основы честного бизнеса, поначалу идя криминальным путем. Но Зумик верил в Россию и надеялся, что она когда-нибудь да сойдет с мрачного уголовного пути на цивилизованную тропинку к светлому капиталистическому будущему.

Пока же Зумик изготавливал фальшивые бриллианты на установке высокого давления в научно-исследовательском институте, где уже много лет числился старшим научным сотрудником, и сплавлял их за рубеж нелегальным путем. Каждый раз боялся, клял себя и своих подручных бандитов, но деваться некуда – на зарплату старшего научного не проживешь и уж подавно капитализм в России не построишь.

Зумик мечтал о капитализме не просто для обеспеченной жизни, а из идейных соображений. Он мечтал утереть нос всем этим Моням-Шмоням, покинувшим истинную родину ради

родины исторической. А то и вовсе дунувшим в Штаты за длинным долларом. Зумик представлял себе много раз, как в один прекрасный день он выйдет к микрофону – впрочем, откуда у него микрофон? – и шарахнет на всю планету: «Ну и кто из нас был прав, жидовские морды? Искали где лучше, а оказались в глубокой жопе! Никого в Россию не пустим! Пропадайте в своем вонючем Тель-Авиве!» И выключит микрофон.

Конечно, Зумик боялся не дожить до этого светлого дня, поэтому торопил события. Фальшивые бриллианты ручейком утекали за рубеж, оттуда струилась речка долларов, которые Зумик вкладывал в производство, короче говоря, инвестировал российскую промышленность. И в суммах немалых. До миллиона долларов в месяц. Конечно, это капля в море, размышлял он, но если бы второй такой Зумик, третий Зумик... Сотня-другая Зумиков могла перевернуть Россию вверх дном. Но где они, Зумики? Все пропадают в Израиле, утопая в собственном дерьме. Каждый раз, провожая очередного друга в эту клоаку, Зумик прощался с ним на всю жизнь, вычеркивал из своего прошлого как полного еврейского мудака, не понимающего одной простой вещи: Бог создал Россию для евреев. Ни в одной другой стране им так вольготно не живется, несмотря на все антисемитизмы. Нигде они не стоят в первых рядах прогресса – только в России. Нигде их не делают национальными героями – только здесь. И мучениками тоже. Не без этого. Так ведь оно и почетнее!

И лишь одного уехавшего еврея уважал, мало того – боготворил Зумик за его выдающийся авантюризм и не менее выдающийся талант. Это был его бывший однокашник Яшка, физик по первой специальности и уголовник по всем остальным. Ныне Яшка в основном обитал в Париже, с ним Зумик и имел дело. Привлекало его и то, что Яшка никогда не занимался делом ради голых денег. Всегда имел в виду что-то высшее, зачастую не совсем понятное.

Вот и сейчас, снаряжая в очередную командировку к Яшке своих новых подручных, стажеров-бандитов Максима и Федора, Александр Маркович Вайнзуммер был более всего озабочен новой идеей Яшки, которая приплыла к Зумику в виде сугубо секретного письма и перевернула мировоззрение немолодого уже еврея.

Зумик в очередной раз восхитился Яшкой и стал готовить экспедицию с бриллиантами.

Из соображений конспирации Зумик не выдавал подручным истинное имя партнера, а пользовался псевдонимом.

– Перес поднялся круто. Ворочает большими деньгами... Адрес у него такой: Париж, Елисейские Поля, кабаре «Донья Исидора».

– «О-о Шамз Элизэ!..» – пропел Максим строчку Джо Дассена, засовывая очередной бриллиант в тюбик с ультрамарином.

Максим и Федор были перемазаны в краске, работали с увлечением. Дело происходило в мастерской художника-авангардиста Петра Охты-Мохты, арендованной для этого случая на несколько часов. Пьяный Охта-Мохта – связанный, с кляпом во рту и с повязкой на глазах – валялся в соседней комнате. Водка была арендной платой, остальное – из соображений конспирации.

Зумик вынимал бриллианты из мешочка, секунду любовался и передавал стажерам, которые прятали камешки в свинцовые тюбики с краской: разматывали свинцовую оболочку тюбика с задней стороны, засовывали пинцетом бриллиант в тюбик и снова закатывали. Никаким таможенным рентгеновским лучам не прощупать.

– Александр Маркович, командировки оформили? – спросил гориллоподобный Федор, патологоанатом по первой специальности, кандидат медицинских наук.

– Все в порядке. От Союза художников. Помалюете там немного... на Монмартре. Что-нибудь абстрактное. Сообщите Пересу об интерполовцах...

– Каких интерполовцев? – поинтересовался Максим, в прошлом литературовед.

– Газеты надо читать! – строго заметил Зумик.

– Я читаю, – обиделся Максим.

– Что же ты читаешь? – ядовито поинтересовался Зумик.
– «Литературку», «Коммерсант-дейли»...
– Хуэйли... – добродушно вернул Федор.
– Я же вас просил, Федор Васильевич. На работе не выражаться, – поморщился Зумик. – А читать надо «Северный курьер». Там сообщение о брифинге интерполовцев. Есть сведения, что они летят в Париж. Надо бы с ними того... Разобраться.
– По-мокрому, Александр Маркович? – спросил Максим.
– По-мокрому, Максим, – вздохнул Зумик, любуясь бриллиантом. – А что делать? Мы гуманисты, но не до такой же степени! Кстати, менту пистолет вернули?
– Тому, с улицы Пестеля? – спросил Федор.
– Ну да. Из рубероида.
– Нет, – мотнул головой Федор. – У нас пистолет.
– Вернуть! – потребовал Зумик. – Наше слово твердое. Обещал – верни.
– Так ведь потребуется... в Париже, – возразил Федор.
Зумик уставился на него изумленным взглядом.
– Ты эту пушку через границу собираешься тащить?! Ну, насмешил! Отдай менту, в Париже для интерполовцев тебе другое оружие подыщут.
– А как их найти? Париж – город большой, – спросил Федор.
– Перес поможет. Он же понимает, что нам всем сладко не будет, если Интерпол и наши снюхаются.
– Александр Маркович, под кого работать? – спросил Максим.
– Под Переса работай.
– Да нет же! В какой манере – на Монмартре?... Под Кандинского? Под Шагала?
– Это на ваше усмотрение. Только не зарывайтесь. Не дай Бог написать что-нибудь гениальное! Засветитесь на весь мир. Запомните: вы – художники средней руки. Ремесленники. Будете продавать полотна – не заряжайте. У вас другая профессия... – наставлял Зумик стажеров.
– Ну хоть на пиво можно заработать? – жалобно спросил Федор.
– На пиво – пожалуйста! – раздобрился Зумик. – Особенно там не разгуливайтесь. У вас дело серьезное – ментов мочить.

Он перевернул мешочек, потряс его. Мешочек был пуст. Триста семьдесят два бриллианта весом около пяти тысяч каратов сидели в тюбиках новоявленных абстракционистов с Монмартра.

Принесли Охту-Мохту, откачали кофием и долго еще учились держать кисть и палитру, разбавлять краску и наносить уверенные ремесленные мазки на холст.

Охта-Мохта даже в состоянии грогги производил весьма приятное впечатление своим профессионализмом и полной незлобивостью к бандитам, арендовавшим мастерскую на таких зверских условиях.

Зумик в творчестве не участвовал. Он сидел в кресле с калькулятором и перемножал караты на доллары, одновременно размышляя над новой идеей своего друга, которая наконец-то поможет радикально обустроить Россию.

Глава 8

Отеческое напутствие

Полковник Тимофей Петрович Редькин относился к Ивану как к родному сыну. Иван был его выдвиженец. Редькин взял его прямо из ПТУ, узнав, что мальчишка сирота. Потом школа милиции, работа постового, участкового...

И везде, на всех этапах службы, Иван ощущал отеческую поддержку Редькина. Если бы не Тимофей Петрович, не видать бы Ивану заграничной командировки, тем более что были другие претенденты, даже с ограниченным знанием языка попадались. В пределах трех классов. Иван же ни на каком языке – ни буб-бум, зато надежный.

Редькин перед отъездом позвал Ивана в ресторан. Посидеть в неформальной обстановке. Заодно сделать легкий втык за допущенный накануне прокол. Когда сели за столик, Редькин первым делом протянул Ивану сложенную вдвое газету «Северный курьер». На первой полосе под броским заголовком «Будни милиции» Иван увидел свое изображение. Камера проклятой девчонки запечатлела его, когда он приподнял голову и взглянул вокруг. В глазах был ужас, фуражка съехала, лицо перекошено.

– Вот так мы выглядим... – шумно вздохнул Редькин.

– Так ведь стреляли, гады! – плачущим голосом возразил Иван, указывая пальцем на автоматные стволы, торчащие из «мерседеса».

– Кто ж тебя так подловил, Иван?

– Журналистка эта, Ольга Пенкина. Помните на брифинге? Наглая, как танк.

– Эта пигалица? Что она там делала?

– Лежала... неподалеку. Попадется она мне! – стиснул зубы Иван.

Официант подплыл с подносом, на котором среди закусок красовался пузатый графинчик с коньяком. Полковник разлил коньяк по рюмкам.

– С младшими по званию нельзя, но ты мне вроде сына, Иван. Не подкачай там, – говорил Редькин, глядя на него с любовью.

– Тимофей Петрович, я не пью, – несмело сказал Иван.

– Молодец, – одобрил Редькин. – И не куришь?

– Нет.

– И баб... – Редькин наклонился к уху Ивана и улыбаясь прошептал такое слово, что у Ивана округлились глаза, как на фотографии.

– Нет... Не очень, – потупившись, сказал он.

– Не очень! – рассмеялся полковник. – Твое здоровье. Как говорят, всех баб не перетрахашь, но стремиться к этому надо!

Он опрокинул рюмку в рот с автоматизмом, достигнутым годами тренировки, и заел огурцом.

– Может, последний раз в жизни видимся, Иван, – вдруг взгрустнулось полковнику. Глаза его подернулись влагой. – Мафия она – ого-го! У нее лапы длинные... Но и мы не лыком шиты. Верно?

– Так точно, товарищ полковник! – согласился Иван.

– С капитаном из органов не заискивай. Не лебези. Веди себя достойно. Он с гонором, по всему видать... – продолжал наставлять Редькин.

Внезапно на улице за окном раздались выстрелы. Мимо окон ресторана, пригнувшись, пробежал человек с автоматом. Лицо его было наполовину закрыто шарфом.

Посетители ресторана в испуге принялись заползать под столики.

– Опять двадцать пять... – вздохнул Редькин. – Казанская группировка, по звуку слышу. Он не спеша налил вторую рюмку.

Пуля пробила стекло витрины и впиалась в стену прямо над полковником. Со стены посыпалась штукатурка.

Полковник, крикнув, выпил. Иван загрустил.

– Что пригорюнился, Ваня? – спросил Редькин, кладя руку на плечо лейтенанта.

Посетители ресторана несмело принялись выползать из-под столиков.

– Отстраняй меня от задания, – признался Иван.

– Почему? Ты утвержден. Завтра сдашь дела, личное оружие – и лети себе в Париж!

- То-то и оно... – Иван совсем загрустил.
- Не понимаю, – тихо произнес полковник.
- Личное оружие, товарищ полковник... – начал было Иван, но тут у столика вновь возник официант со сложенной белоснежной салфеткой в руке.
- Вам просили передать... – Он с поклоном вручил салфетку Ивану.
- Иван удивленно принял сверток, развернул. В салфетке лежал его личный пистолет системы Макарова!
- Вот оно, личное оружие! – обрадованно вскричал Иван, хватая пистолет и ненароком нажимая на курок.
- Грохнул выстрел. В дальнем углу ресторана с потолка посыпались осколки плафона.
- Осторожней, Иван... – проворчал разомлевший уже полковник.
- Официант невозмутимо чиркнул карандашом в счете, положил бумажку перед полковником.
- Триста коньяку, огурчики, осетринка, плафон... Всего на пятьсот сорок семь тысяч шестьсот рублей.
- Но-но, ты говори да не заговаривайся! – вскричал полковник, выкладывая рядом со счетом милицееское удостоверение.
- Пардон! – официант смел листок со стола. – Ошибочка. Двадцать девять девяносто. По старым ценам.
- Полковник кинул на скатерть пятидесятирублевую монетку:
- Сдачи не надо!

Глава 9

Попутчики

- Самолет на Париж вылетал в одиннадцать ноль-ноль. Как всегда перед рейсом, стюардессы сошлись в кружок и гадали на ромашке:
- Угонят – не угонят, угонят – не угонят...
 - Подошел штурман корабля, спросил озабоченно:
 - Что получается, Катюша?
 - Катюша оторвала последний лепесток.
 - Вроде не должны угнать, Андрей Гаврилыч...
 - В прошлый раз тоже хорошо нагадала, а где сели? В Пакистане вместо Копенгагена.
 - Напарница подтолкнула Катюшу.
 - Теперь погадай на другое.
 - Катюша взяла новую ромашку, начала отрывать лепестки.
 - Взорвут – не взорвут, взорвут – не взорвут...
 - Типун тебе на язык! – не выдержал штурман и отошел.
 - Вместо него от столика, за которым пил кофе экипаж, отделился грузный командир корабля. Подошел к девушкам, с минуту смотрел, как Катюша шепча отрывает лепестки. Наконец последний лепесток упал на пол. Воцарилось напряженное молчание.
 - Ну? – спросил командир.
 - Не угонят, но взорвут, Сергей Романович, – вздохнула Катя.
 - Ну, ладно... Поглядим, – помрачнел командир. – Гадалыщица из тебя... В следующий раз пускай Нестерова гадает.
 - А в очереди на регистрацию томились будущие попутчики, которым суждено было вместе пережить захватывающие приключения за границей.

Ольгу провожал корреспондент «НИКИ» Миша Зуйков, кругленький молодой человек в очках, прослышавший про задание «Северного курьера» и надеявшийся под это дело получить от Ольги бесплатную информацию.

– Учти, тебе нужно установить их личности до Парижа, – обшаривая очередь глазами, заговорщически шептал Миша. – Потом будет поздно. Интерпол их спрячет, концов не найдешь...

– Я подниму кампанию в прогрессивной прессе, – храбро сказала Ольга.

– А если кампания не поднимется? – резонно возразил Миша. – Тебе нужно сорвать завесу секретности. Копии материалов шли нам факсом.

– «Курьер» с меня голову снимет, – сказала Ольга.

– Я буду переписывать, мама родная не узнает. Пусть докажут, что твои материалы.

– Они и доказывать не станут. Шлепнут – и все, – сказала Ольга.

– Кого? – испугался Миша.

– Всю вашу «НИКУ».

– Нас не запугаешь! – шепотом выкрикнул Зуйков.

Он порылся в карманах и сунул Ольге в руку какой-то небольшой предмет.

– Спрячь получше. На всякий пожарный.

– Что это? – Ольга взглянула на предмет.

– Газовый баллончик. Паралайзер. Вырубает клиента на пять минут. Будь осторожна, сама не нанюхайся.

Ольга сунула баллончик за ворот, в лифчик. Зуйков с сомнением взглянул на ее пухлую грудь.

– Место ненадежное.

– Почему? – удивилась Ольга.

– Кто-нибудь нажмет случайно, если будет... ухаживать.

– Я ему случайно нажму! – пообещала Ольга. – У меня надежнее места нет.

К концу очереди подошли трое: мужчина с кудрявой черной бородкой и два художника в беретах и с этюдниками. Один был громадного роста, с волосатыми руками, а второй с тонкими аристократическими чертами лица. Зуйков подозрительно оглядел их и подергал Ольгу за рукав.

– Обрати внимание, – тихо сказал он.

– А что? – спросила она.

– По-моему, это они. Интерполовцы.

– Это же художники! – удивилась она.

– Они для конспирации и акробатами прикинутся. Проверь их.

Ольга кивнула и, как бы от нечего делать, принялась фланировать вдоль очереди, поигрывая «Минолтой» на ремешке. Проходя мимо художников, напряженно прислушивалась к их разговору.

– На плас Пигаль не ходить, – инструктировал своих подопечных Зумик.

– Плас Хуяль, – ни к селу ни к городу брякнул Федор.

– Федор! – воскликнул Зумик.

– А почему не ходить, Александр Маркович? – осведомился Максим.

– Бабы там! Первым делом – задание!

Услышав про задание, Ольга наострила уши. Ей помешал маленького росточка тщедушный человек с восторженным и слегка сумасшедшим взглядом. Ему было на вид под тридцать, взгляд выдавал новичка.

– Здесь регистрация на Париж? – с некоторым трудом выговорил он, и Ольга поняла, что он слегка навеселе.

– Да, – холодно кивнула она.

– Вы тоже летите? Замечательно! Великолепно! Меня зовут Алексей, – представился он. Ольга молчала.

– Вы в гости или в командировку? – не замечая ее холодности, продолжал Алексей.

– Я контрабандистка! – огрызнулась она.

Художники сделали каменные лица. Зумик округлил глаза и побледнел.

Ольга подмигнула им, давая понять, что пошутила. Все трое натянуто улыбнулись.

Один Алексей ничего не заметил. Он отогнул полу пиджака. Из кармана джинсов торчала початая бутылка коньяка.

– Я тоже контрабандист! – засмеялся он. – Я первый раз, вы не поверите! Невероятный случай. На форум лечу, – доверительно сообщил он Ольге.

Но тут она увидела, что подходит ее очередь, и поспешила к Зуйкову. Она метнула сумку на весы и выложила перед стюардессой билет.

– Ну, пока, Пенкина! – проговорил Зуйков и поцеловал Ольгу в щеку. – Держись там!

– Не бойсь! – Ольга шагнула за барьер, отделяющий ее от прошлой жизни.

Сразу за нею прошли еще двое – совершенно неприметные молодые люди в костюмах и при галстуках. Один потоньше и повыше, другой – крепкий и коренастый.

– Помнишь, Вадим, эта девка на брифинге нас доставала, – шепотом сказал Иван, указывая глазами на Ольгу.

– Не помнишь, а помните. Не девка, а мадемуазель, – холодно поправил Вадим. – Сколько раз вам повторять! В Европу летите!

– Фу-ты, ну-ты! – обиделся Иван.

Пассажиры подъехали на автобусе к самолету, зашли по трапу в салон и заняли свои места. Восторженный молодой человек оказался рядом с Ольгой, а художники Максим и Федор – через проход от них в том же ряду. Прямо за Ольгой занял кресло странный тип лет шестидесяти пяти с густой копной кучерявых черных волос и хищным изогнутым носом. Он был явно чем-то недоволен, что-то непрестанно бурчал себе под нос. К животу он прижимал потрепанный портфель крокодиловой кожи.

Иван и Вадим уселись чуть позади, через три ряда.

– Добрый день, дамы и господа! – сказала стюардесса Катюша. – Наш самолет совершает рейс Санкт-Петербург – Париж. Прошу вас пристегнуться и желаю счастливого полета.

– Ну, это мы еще посмотрим! – зловеще пробормотал кучерявый тип с портфелем.

Глава 10

Бранко

Первым делом Алексей вытянул из кармана плоскую бутылку коньяка и приложился к горлышку. Ольга с неприязнью покосилась на него. Пьяниц она недолюбливала.

Он с готовностью протянул ей бутылку.

– Хотите? Помогает от волнения.

– Я не волнуюсь, – сухо сказала она.

– А я – жутко! Последний раз летал в детстве. Работа сидячая, в Публичке работаю...

Ольга демонстративно откинулась в кресле и прикрыла глаза.

– Простите... – смешался Алексей. – Я уже вам надоел. Обидно.

С горя он еще раз приложился к бутылке. Увидев это, художники Максим и Федор раскрыли этюдники, заполненные тюбиками с краской и бутылочками разбавителя. Синхронно открутили пробочки у разбавителя, отхлебнули.

Иван толкнул в бок Вадима.

– Надо было тоже прихватить...

– Вы же не пьете.

– Не пью, – с тоской сказал Иван. – А хочется. Ты не догадался взять?

Вадима передернуло.

– Иван, я прошу называть меня на «вы». Мы с вами в одном колледже не учились.

– Подумаешь! В колледже! – обиделся Иван. – Мы теперь братки, Вадим. Вместе грудь под пули подставлять придется.

– Не имею ни малейшего желания, – парировал Вадим и тоже демонстративно прикрыл глаза.

Самолет вырулил на старт, взревел моторами, понесся по взлетной полосе и наконец с усилием оторвался от земли.

Не прошло и трех минут, как кучерявый старик с портфелем ожил и жестами подзвал к себе стюардессу. Когда Катюша подошла, он щелкнул замком портфеля и извлек из него конверт, перевязанный голубой ленточкой с бантиком.

– Прошу передать командиру, – произнес он с нервным смешком.

– А что там? – спросила она.

– Любовное послание, – зловеще захихикал он.

Стюардесса пожала плечами и направилась в пилотскую кабину. А нервный старик запустил правую руку в портфель по локоть и оставил там, будто что-то держал наготове.

Катюша вошла в кабину, где командир и второй пилот, поставив корабль в автоматический режим, резались в шахматы.

– Сергей Романыч, вам письмо, – сказала стюардесса, протягивая командиру конверт.

– Что еще за письмо. Читай, – сказал командир, не отрывая взгляд от доски.

– Оно запечатано.

– Распечатай. Надеюсь, не любовное послание, – улыбнулся командир, делая ход.

Она распечатала, извлекла листок бумаги и прочла:

– «Требую изменить курс самолета и совершить посадку в городе Тирана, столице Народной республики Албания. В случае невыполнения моей просьбы угрожаю взорвать самолет имеющимся при мне взрывным устройством. С уважением, Бранко Синицын».

– Как? – переспросил командир.

– Бранко Синицын.

– Небось опять какой-нибудь сопляк? – задумчиво спросил командир, вертя в руке коня и не зная, на какое поле его поставить.

– Нет, пожилой... Что я вам говорила, Сергей Романыч? Взорвут по гаданию вышло – вот и взрывают!

– Помолчи. Пожилой может и взорвать... – вздохнул командир. – Пойди, объяви пассажирам, а мы подумаем.

Стюардесса покинула кабину.

– Что скажешь, Егорыч? – спросил командир заместителя.

– Чего он там потерял, в Тиране, этот мудака? По-моему, там уже все тип-топ. Демократия.

– Да не в этом дело. Как туда лететь. Ни разу же туда не летали, – задумался командир.

Щелкнуло в динамике громкоговорящей трансляции, и милый девичий голос объявил:

– Товарищи пассажиры! Дамы и господа! Наш самолет захвачен террористом Бранко Синицыным. Этот паразит сидит на месте одиннадцать «бе». Прошу сохранять спокойствие и выдержку. Террорист требует посадки в городе Тирана Народной республики Албания. Экипаж воздушного лайнера прилагает усилия к устранению инцидента.

Пассажиры переваривали сообщение стюардессы, постепенно приходя в ужас. Кто-то переводил кому-то на другой язык, кто-то нервно вскочил с места, но был осажен соседом. Взоры пассажиров стягивались к креслу, где сидел, сверкая глазами, Бранко Синицын.

Иван растолкал спящего Вадима.

– Проснитесь, товарищ капитан! Нештатная ситуевина.

– Что?! – Вадим захлопал глазами.

– Вон та гнида, – ткнул вперед пальцем Иван, – хочет угнать нас в Албанию.

Вадим пригляделся.

– Так это же Бранко Сеницын! – сказал он.

– Вы знакомы? – удивился Иван.

– Да он весь комитет затрахал своими фокусами! – сказал Вадим и поднялся с места, намереваясь подойти к террористу. – Бранко! Кончай базар! Здесь тебе не Питер! – громко обратился он к Сеницыну.

– Не подходить! Взорву! – выкрикнул Бранко, еще глубже засовывая руку в портфель. – Вы мое слово знаете!

Вадим сел, пожал плечами.

– Может взорвать. Я его слово знаю.

Ольга выхватила из сумочки блокнот и обернулась к террористу.

– Ольга Пенкина, независимая молодежная пресса. Небольшое интервью для нашего издания.

Террорист подозрительно посмотрел на нее, но ничего не ответил.

– С какой целью вы намереваетесь лететь в Албанию? – продолжала Ольга.

– Там свято чтут память великого вождя, – отрывисто проговорил Бранко.

– Значит, вы сталинист?

– Я воспитан великим вождем... Не подходить! – взвизгнул Бранко, заметив, что кто-то из пассажиров сделал движение в его сторону.

– Он лично вас воспитывал? – Ольга резво строчила в блокноте.

– Моя мать вместе со мной бежала от клики Тито в Советский Союз. Это моя вторая родина. Но она забыла великого вождя...

– Как же. Его забудешь... – прокомментировал через проход Максим. – Старик, все мы воспитаны великим вождем. Но это не повод, чтобы взрывать самолеты, – задушевно обратился он к Бранко.

– Вынь руку из портфеля, падло, – еще задушевнее сказал Федор. – Своими руками кастрирую, – продолжал бывший патологоанатом.

Иван обратил внимание на говорящего. Несколько секунд он напряженно всматривался в него и наконец узнал! Не говоря ни слова, Иван выпрыгнул из кресла, одним прыжком оказался рядом с Федором и схватил того за грудки.

– Ага! Попался, сволочь!

– Ты чего? Ошалел? Чего нужно? – отбивался Федор.

– Ребята, это бандит! – звонко выкрикнул Иван на весь самолет. – Федор, да? Федор? – наседали на противника.

– Ну, Федор... – признался тот и вдруг сам узнал Середу. – Господи, Иван! Вот так встреча! – Он попытался хлопнуть Ивана по плечу, но тот ловко перехватил его руку и стал заламывать ее за спину, что было непросто, ибо руки Федора были как чугунные балки.

Бранко Сеницын вскочил на ноги.

– Всем сидеть! – заверещал он.

– Да погоди, ты, отец! Не до тебя, – отмахнулся от него Федор. Он пытался, стараясь освободиться от мертвой милицмейской хватки Ивана. – Тут... можно сказать... друзья встретились!

Максим поспешил на помощь товарищу, всадив кулак в живот Ивану, отчего тот сломался в поясе, но руки Федора не выпустил.

– Иван, советую применить каратэ! – выкрикнул со своего места Вадим.

– Хуятэ! – возразил Федор, опуская чугунный кулак свободной руки на темечко Ивану.

Вадим вздохнул, поправил галстук и тоже ввязался в схватку.

Четверо молодых мужчин, тяжело дыша, возились в узком проходе. О Бранко Синицыне как-то забыли. Он топтался рядом, растерянный, не зная, каким образом вновь вернуть внимание публики, и вдруг выхватил из портфеля руку с зажатой в кулаке лимонкой.

– За родину! За Сталина! – вскричал он, вырывая чеку и швыряя лимонку на ковровую дорожку самолета.

Пассажиры зажали уши ладонями. Ольга Пенкина невозмутимо и профессионально щелкнула «Миной». Вспышка блица озарила салон и фигуры четверых соперников, прекративших драку и с некоторым изумлением уставившихся себе под ноги, где лежала на ковре лимонка с вырванной чекой.

Секунда оцепенения прошла. Бранко нагнулся, поднял лимонку, потряс ее возле уха, как сломанный будильник, и снова шарахнул об пол с криком:

– Долой оппортунизм!

Лимонка и не думала взрываться. Первым опомнился Федор. Он нагнулся и поднял лимонку своей волосатой рукой. Внимательно осмотрел ее.

– Старик, должен тебя огорчить. Пензенский завод. Ихние лимонки взрываются раз в году по обещанию.

С этими словами Федор вывернул взрыватель, спрятал в карман, а безвредную лимонку вернул поникшему Бранко.

– Держи на память. Ничего понадежнее нет?

Бранко обиженно плюхнулся в кресло, отвернулся. Противоборствующие пары вернулись к своим разборкам.

– Мужики, не будем раскачивать самолет, – предложил Федор.

– В Париже разберемся... – угрожающе произнес Иван.

Вадим поправил прическу и вернулся на свое место. Остальные тоже расселись по своим креслам и, как по команде, прикрыли глаза.

К Бранко Синицыну, тяжело переживавшему свой позор, подошла стюардесса Катюша, возвратила ему письмо.

– Мы вас не видели, вы нас не взрывали. Договорились?

Глава 11

Похищение Ольги

Париж встретил их солнечной погодой, музыкой, веселыми лицами людей разных национальностей. Один за другим пассажиры проходили таможенный досмотр.

Первым миновал таможенный зал Алексей. На выходе он был остановлен подтянутым сотрудником русского посольства.

– Господин Заблудский?

– Ну, какой я господин... – смутился Алексей. – Можно по-старому: товарищ.

– Прощу в машину. Вас ждет посол.

– Вот это да! – радостно воскликнул Алексей и проследовал в посольскую машину, сопровождаемый завистливыми взглядами попутчиков.

Ольга пристроилась к Максиму, шепнула ему:

– Я вас узнала. Не отпирайтесь.

– Классику читали? – спросил бывший литературовед.

– Почему? – удивилась Ольга.

– Это почти цитата. «Вы мне писали. Не отпирайтесь». Пушкин, «Евгений Онегин», глава четвертая.

Ольга округлила глаза. Этот мент, оказывается, неплохо разбирался в литературе. А на брифинге дурака валял, городил что-то про Тома и Джерри. Конспиратор!

– Интерполовцы, да? – горячим таинственным шепотом выдохнула она в ухо Максиму. Тот отшатнулся так, что его берет едва не слетел с головы. Ольга приняла это за признание.

– Не бойтесь, я не выдам. Вы только...

– Минуточку! – прервал ее Максим и, взяв под локоть, повлек в дальний конец зала, где маячили две характерные гангстерские фигуры в длинных белых плащах и широкополых шляпах. Это были встречавшие коллег члены местной мафии, подручные Переса.

Федор двинулся вслед с этюдниками на плечах.

Иван дернулся было за ними, но Вадим остановил его:

– Вы забыли о задании.

– Так ведь уводят девку бандиты! – заволновался Иван.

– Здесь они не бандиты, а такие же подданные России, как и мы. Пускай уводят. Не будет совать нос не в свои дела. Пойдемте, кажется, нас встречают, – Вадим указал на притулившегося на скамейке бедно одетого старика, у которого между колен было зажато древко с табличкой «Интерпол».

Они подошли к старику.

– Вы не нас часом встречаете? – обратился к старику по-русски Вадим, но тут же спохватился и попытался перейти на французский. Но старик не дал ему блеснуть.

– Вас! Вас! – радостно ответил он тоже по-русски. – Вы на стажировку в Интерпол? Иван и Вадим?

– Простите, вы русский? – подозрительно спросил Вадим.

– А то какой же! Самый натуральный. Почитай сорок пять лет здесь околачиваюсь. – Старик отставил древко в сторону, достал из папки бумаги.

Иван краем глаза следил за Ольгой и компанией бандитов, которые разговаривали в другом конце зала. Французские бандиты по очереди целовали ручку Ольге.

– Эмигрант? – неприязненно спросил старика Вадим.

– Сам ты эмигрант! – огрызнулся старик. – Заслан сюда еще Лаврентием Палычем. Был резидентом, потом раскрыли, отсидел свое за шпионаж, потом устроился в Интерполе. Наши-то от меня открестились, а здесь стаж шел по специальности. Теперь на пенсии, работаю при них курьером. – Старик указал на табличку.

– Ну и что вы имеете нам сообщить? – надменно спросил Вадим.

Бандиты вместе с Ольгой двинулись к выходу. Все были оживлены, смеялись. Больше всех Ольга.

– Вадим, уходят! – воскликнул Иван.

Старик мельком посмотрел в ту сторону.

– Брассон и Тарден, известные личности. В случае чего я вам адресок дам. А эти с ними – ваши ребята? Подсадные?

– Подсадные, – кивнул Вадим.

– Тоже дело... Значит, Интерпол наш сейчас весь на Багамах. Ловят там кого-то. Велели вас встретить, выдать командировочные и поселить. Они там поймают кого надо, вернутся и займутся вами... Вот ведомость, распишитесь... – Старик уже шуршал франками.

Иван быстро расписался, сунул деньги в карман, не считая, и устремился за уходящими бандитами.

– Мерси, – кивнул Вадим старику и поспешил за напарником.

– А поселить? Гостиницу знаете? «Коммодор», бульвар Осман... – выкрикнул вслед старик.

– Найдем! – бросил Иван.

– Шустрые пацаны... – с нежностью произнес старик. – Наведут здесь шороху.

Напарники выскочили из здания аэровокзала. Черный лимузин, в котором сидели четыре бандита и Ольга, медленно откатывал от тротуара.

– Такси! – крикнул Иван.

– Вы с ума сошли, лейтенант! Все командировочные просадим! – прошипел Вадим.

– Человек дороже, Вадим. Я плачу, – ответил Иван.

Подкатило такси с водителем-индусом. Напарники прыгнули в машину, и такси устремилось вслед за черным лимузином.

В машине бандитов Брассон и Тарден ехали впереди, а Ольга – сзади, зажата с двух сторон Максимом и Федором. Она еще не подозревала о роковой ошибке и бойко тараторила, пытаясь склонить мнимых интерполовцев к сотрудничеству.

– ...Мне обещан еженедельный подвал в «Курьере». Вы сохраняете полное инкогнито, имена вымышлены... Скажем, один будет Максим, а второй... Федор! Годится?

Бандиты дружно поперхнулись.

– Я не прошу вас разглашать тайны. Будете мне рассказывать – чему вас учат в Интерполе, как идет стажировка... Гонорар гарантируется.

– Сколько? – спросил Федор.

– По сотне баксов за интервью.

– А сколько интервью?

– Да хоть каждый день! – расщедрилась Ольга.

Сидящий рядом с водителем Брассон обернулся и спросил по-французски:

– Мадемуазель – проститутка?

– Почти, – сказал понимавший по-французски Максим. – Она журналистка.

– Одно не мешает другому, – заметил Брассон. – Отдай ее мне. Она мне нравится.

– Да ради Бога! Бери, – сказал Максим.

Ольга обеспокоенно переводила взгляд с одного на другого. Она поняла, что речь идет о ней.

– Что он сказал? – спросила она.

– Французский товарищ предлагает тебе руку, сердце и кошелек, – перевел Максим.

– Ого! – сказала Ольга, вспомнив напутствие матери. – Мне так много не надо. Достаточно кошелька.

Максим перевел французам. Бандиты рассмеялись.

– А ты ничего! С тобой можно работать, – сказал Максим.

– Ну! О чем я говорю! – обрадовалась Ольга.

Брассон взглянул в зеркало заднего вида и заметил погоню. Он обернулся и молча указал пальцем на заднее стекло. Максим и Федор повернули головы и увидели метрах в десяти сзади напряженное лицо Ивана за лобовым стеклом такси.

– Этот мент допрыгается, – сказал Федор.

– Кто мент? – упавшим голосом спросила Ольга.

Но бандиты не ответили. Брассон молча извлек из бардачка лимузина револьвер и передал Максиму. Тот протянул оружие Федору.

– Почему я? – спросил Федор мрачно.

– А кто? Я? – изумился Максим.

Брассон протянул другой револьвер Максиму. Тот тоже передал его коллеге.

– Возьми в обе руки. С двух рук вернее.

Федор молча принял револьвер, обернулся назад и наставил оба дула через заднее стекло на Ивана. Иван погрозил ему кулаком из такси. Вадим на заднем сиденье спрятал голову за кресло.

– Стрелять не надо, – сказал Брассон. – Они игрушечные.

– Пока не стреляй, Федя, – перевел Максим. – Береги патроны. Пуляй, как поедem через мост. Пускай падают в Сену.

– Хуену... – процедил Федор сквозь зубы.

– Товарищи... – начала Ольга, но Максим прервал ее:

– Пленку! Быстро!

– Какую пленку?

– Ты фотографировала нас в самолете. Где пленка?

– В камере.

– Давай сюда!

До Пенкиной наконец дошло, с кем она имеет дело. Она открыла сумку, порылась в ней для вида и вдруг молниеносным жестом выхватила из лифчика баллончик с паралайзером. Не дав Максиму опомниться, она прыснула газом прямо ему в лицо, в переносье. Тот закатил глаза и вырубился в одну секунду. Федор повернул голову к Ольге и тоже получил в нос струю дурмана. Уже теряя сознание от запаха газообразного наркотика, Ольга размашисто пустила газ на передние сиденья, будто опрыскивала дезинсектантом диван с клопами.

Машина потеряла управление, сбила несколько столбиков ограждения и улетела в неглубокий кювет. Такси с интерполовцами резко затормозило. Из машины выскочили Иван и Вадим. Когда они распахнули дверцу лимузина, в нос им ударил запах газа. Иван перестал дышать, извлек Ольгу из-под навалившихся на нее двух тел в бархатных куртках и беретах и бережно перенес ее в такси. Вадим на всякий случай вынул пистолеты из рук безжизненного Федора.

Такси умчалось.

Через пять минут тела начали подавать признаки жизни. Первым пришел в себя Брассон. Он оглянулся назад и увидел лишь русских коллег, обнявшихся, как братья, на заднем сиденье.

– О, мадемуазель... – простонал француз.

Глава 12

Посол недоволен

Алексея Заблудского привели в приемную русского посла и оставили ждать на канapé под гобеленом, изображавшим королевскую охоту Людовика XIV. В ногах Алексея стоял его чемодан.

Алексея мучил вопрос: зачем он понадобился послу. Вообще, его первая заграничная командировка таила в себе тьму загадок. Когда из комитета по культуре пришла разнарядка в Публичку, в которой предписывалось подобрать участника для всемирного форума работников культуры, директор библиотеки позвонил в комитет и поинтересовался у секретарши, каково содержание форума. Повестка дня, так сказать. Не нужно ли делать доклад? Секретарша недовольно ответила, что, мол, решайте сами, на повестке дня какой-то Бадди Рестлинг. Перерыли все энциклопедии, но нашли лишь рок-музыканта Бадди Холли, Бадди Рестлинга не нашли. Чтобы избежать конфуза, решили послать маленького человека Лешу Заблудского. С него и спросу нет, не доктор наук и даже не кандидат. Послушает там про Бадди, потом сделает сообщение для работников библиотеки.

Алексей не ожидал такого приема в Париже, но, с другой стороны, был доволен. Один бы он тут заблудился, несмотря на довольно сносное знание французского и еще двух языков. Наконец в приемную из кабинета посла вышел секретарь и объявил:

– Заходите. Николай Дмитриевич вас ждет... Нет-нет, чемодан оставьте.

Заблудский, робея, вошел в кабинет посла и увидел за столом крепкого мужчину с бычьей шеей, которую как-то нелепо стягивал узкий галстук. По всему видать, посол раньше был штангистом или борцом.

– Бонжур, – приветствовал посла Алексей.

Ему показалось, что с послом России во Франции уместнее всего разговаривать по-французски.

Но посол развеял его иллюзии.

– Попрошу по-нашему, – довольно сурово сказал он. – Вы администратор?

– Администратор чего?

– Группы или как там у вас? Сборной.

«Какой еще сборной?» – подумал Заблудский.

– Нет, я один. Участник форума по Бадди Рестлингу.

Посла подкинуло в кресле.

– Вы?! – вскричал он.

Он вскочил с места, оказавшись на голову выше Заблудского, и довольно резво подскочил к нему. С полминуты он внимательно изучал Алексея, а потом для верности даже ощупал.

– Кто вас посылал? – зловеще спросил он.

– Комитет по культуре, – честно ответил Заблудский.

– Почему комитет по культуре?

– Так ведь форум по культуре... – растерялся Заблудский.

– Культуре чего? – прорычал посол.

– Этого... Бадди Рестлинга.

– Боди-реслинга! – вскричал посол. – Вы хоть знаете, что это такое?

– Нет, – помотал головой Заблудский.

– А чего же едете?

– Посылают – и еду. Узнать.

– Вот и узнавайте! Я умываю руки! МИД сделал все, что мог. Если там такие осто-лопы... – Посол вернулся на место, нажал кнопку звонка. Явился секретарь.

– Выдать деньги, поселить, указать место проведения! Пусть расхлебывают сами! Это же позорище! Чем они там думают? – в ярости гремел посол, на что секретарь лишь скорбно поджал губы. – Свободны! – закончил посол.

Это звучало как оправдательный приговор после десяти лет тюрьмы. Секретарь с Алексеем поспешно покинули кабинет.

– Вот, получите... – секретарь выдал Алексею деньги и какие-то бумаги. – Явитесь по этому адресу и зарегистрируетесь от России.

– От целой России! – ахнул Алексей.

– Можете не от целой. Можете от какой-нибудь ее части. Но желательно все же от целой, – терпеливо разъяснил секретарь. – Вам все объяснят. Языком владеете?

– Немного, – скромно сказал Алексей.

– Там и нужно немного. Адью!.. Все претензии к тем, кто вас оформлял.

– А у меня нет претензий, – простодушно сказал Алексей.

– Будут, – пообещал секретарь.

Глава 12

Дон Перес

Кабаре «Донья Исидора», названное так по имени официальной хозяйки и главной артистки кабаре, располагалось в шикарном месте, на Елисейских Полях, в сени цветущих каштанов. Площадка для парковки автомобилей пока была пуста, из кабаре доносились звуки гитар – это репетировало мексиканское трио, выпускники Ленинградской консерватории Семенов, Фриш и Левинский, готовясь к дебюту на парижских подмостках. В Париже было жарко, плюс двадцать восемь.

Фактический хозяин кабаре дон Перес де Гуэйра, он же бывший одессит Яша Чеботарь, сидел в своем кабинете, расположенном за сценой, ипил виски со льдом, развлекаясь стрельбой из пневматического пистолета по игральным картам. Пересу было уже за шестьдесят, крупные черты его красивого лица, морщины на лбу и шрам на подбородке указывали на нелегкий жизненный путь. Когда-то он был подающим надежды сталинским стипендиатом на физическом факультете Ленинградского университета, где учился вместе с Зумиком, потом открыл новую элементарную частицу, за что был исключен из комсомола и университета, а дальше... Об этом можно было написать отдельный роман, но это надолго затянуло бы настоящее повествование, поэтому зафиксируем лишь, что Перес, купивший паспорт на это имя всего три года назад, просто сидел, положив ноги на стол, и расстреливал бубнового валета, зажатого в канделябре на телевизоре Sony.

В настоящее время Перес был занят одной идеей, обещавшей ни много ни мало перевернуть мир, но, к сожалению, как и почти все идеи Якова Вениаминовича Чеботаря, подпадавшей под одну из статей Уголовного кодекса большинства цивилизованных стран. А именно, под статью об изготовлении и продаже наркотиков.

Недавно он впервые изложил свою идею в письме к другу Зумику, не прося, а буквально-таки требуя содействия, и теперь ждал его гонцов, чтобы начать акцию. Кстати, в том же письме он полемизировал со своим старым другом, прекрасно зная его многолетние настроения. Так вот, Перес заметил, что тезис Зумика о том, что Бог создал Россию для евреев, нуждается в некоторой поправке. «Бог создал евреев для России, – написал Перес в письме, – и я собираюсь доказать это на деле». Но в результате так и сяк получалось, что они созданы друг для друга, поэтому Зумик не обиделся.

Дверь кабинета с шумом распахнулась, и в комнату ввалились четверо мужчин: художники Максим и Федор и их парижские друзья Брассон и Тарден. Все четверо вели себя так, как будто были изрядно пьяны – покачивались, глупо хихикали, развязно болтали.

– Вот он! – вскричал Брассон, указывая на Переса. – Дон Перес де Гуэйра, прошу любить и жаловать.

Перес, не снимая ног со стола, невозмутимо прицелился и выстрелил. Бубновый валет получил еще одну дырку в голове. Перес отхлебнул виски.

– Боже мой, Яков Вениаминович! – Федор развел свои могучие руки и сделал два нетвердых шага к Пересу, как бы намереваясь его обнять.

– Мы с вами встречались? – задал вопрос Перес, показывая всем своим видом, что он не желает объятий.

– А то как же! В Иркутске. Я вскрывал вашего подельника, его шлепнули в перестрелке. А вы тогда получили семь лет условно.

Перес поморщился. Как видно, воспоминание было ему неприятно.

– Переменили специальность? – спросил он.

– Всего полгода. Платят мало. Жмуриков много, но перестали вскрывать. Чтобы не расстраиваться, – Федор пьяно захихикал.

– А почему вы пьяны? С какой стати? – недовольно спросил Перес.

– Хуяти! – Федор плюхнулся на диван. – Все эта чертова девка! Кто же знал, что у нее в сумочке паралайзер!

Брассон и Тарден покачивались в дверях, как водоросли. Перес сказал им что-то по-французски, и они уплыли из кабинета.

Максим промывчал нечто, вполне невразумительно. Он был пьянее своего друга, поскольку получил самую сильную дозу нервно-паралитического газа, к тому же был subtilerней Федора.

– Какая девка? – продолжил разговор Перес.

– Яков Вениаминович, не стоит беспокоиться... Завтра мы ее прикончим – и все! Все!

– Ее зовут Ольга Пенкина... – выдавил из себя Максим.

В кабинет фурией ворвалась донья Исидора в одних трусиках с блестками. На ходу она застегивала лифчик. Донья только что репетировала стриптиз под аккомпанемент мексиканского трио.

– Этот мексиканский жиды мой злость! – выпалила она, плеснула себе виски и сделала глоток. – Он играет «Бесаме мучо», как хоронить оркестр. Кто есть такие тут? – спросила она, заметив Максима и Федора.

Поскольку Максим при виде доньи сразу потерял сознание, отвечал Федор.

– Мы, мым... То есть мэ, мэ... – промычал он.

– Что ты мычать, как коров! – набросилась на него донья.

– Исидора, это люди от Зумика, – мягко проговорил Перес, обнимая донью за талию.

– Почему есть пьян? – спросила Исидора.

– Какая-то девка обстреляла их баллончиком.

– Пара... лайзер, мым, – попытался объяснить Федор.

Максим пришел в себя, бессмысленно озираясь по сторонам, пытаясь понять, где он находится.

– Камушки привезли? – спросил Перес.

– Так точно, Яков Вениаминович, – ответил Федор, раскрывая неверными руками этюдник.

– Забудь это имя! – грозно приказал Перес.

– Слушаюсь, господин Перес.

Федор взял один из тюбиков, оторвал нижнюю часть и выдавил краску на лист бумаги. Краска стекла, под нею обозначился бугорок.

– Бриллиант, мым, – объяснил Федор.

– Только он... фальшивый... – пьяно улыбнулся Максим.

Федор взглянул на приятеля диким взглядом.

– Ты что... – начал он, но Перес перебил:

– Я знаю, что фальшивый. Настоящие я не покупаю. Смысла нет. Сколько всего?

– Триста семьдесят два.

– Отлично. Обратно повезете товар, – сказал Перес.

– А деньги?

– Я договорился с Александром Марковичем. Плачу не деньгами, а товаром.

– Товар-деньги-товар, – вспомнилось что-то Максиму.

– А что за товар? – спросил Федор.

– Да так, фигня... Пока сказать не могу. Коммерческая тайна, – улыбнулся Перес.

– Как же мы возьмем вашу фигню, не зная – что это за товар? – развел руками Максим.

– Ладно! Берем фигню! Какую дадите. У нас никакой фигни нет, – отрубил Федор.

– О'кей, – сказал Перес. – Я вам дам сто двадцать.

Донья Исидора прислушивалась к разговору, хотя не очень понимала его смысл. Она тоже не знала, какой товар предлагает гонцам Зумика Перес.

– Чего? Штук? Метров? Килограммов? – допытывались гонцы.

– М-м... – Пересу не хотелось говорить, но он все же нехотя сказал: – Килограммов.

– Ого! Как мы это потащим? – испугался Максим.

– Своя ноша не тянет, – сказал Федор.

Тут Максим вспомнил еще об одном поручении Зумика и рассказал Пересу о двух русских агентах Интерпола. Описал приметы Ивана и Вадима, повадки: при встрече заламывать руки за спину. Перес кивал, он хорошо знал это племя ментов, насиделся в России.

– Короче, хотелось бы их того... устранить, – закончил Максим.

– Это само собой, – кивнул Перес.

– Мокрый акция? – встревожилась донья.
– Для вас – сухая, – успокоил ее Максим. – Нужна техническая помощь: оружие, взрывчатка.
– О'кей.
– А где они сейчас?
– Вот то-то и оно. Мы их потеряли, – вздохнул Максим.
– Когда они прилетели в Париж? – спросил Перес.
– Сегодня, вместе с нами.
– Значит, завтра они попрутся в Лувр. Ищите их там.
Федор хотел было образовать свою излюбленную присказку к слову Лувр, но не сумел. А может, смутило присутствие доньи.

Глава 14

В Лувре

Иван и Вадим, а также примкнувшая к ним Ольга действительно с утра направились в Лувр.

Иван не хотел: что они там потеряли? Вадим был индифферентен. Однако Ольга настаивала.

– Мы культурные люди или нет? – прямо спросила она.

Вопрос озадачил агентов. Вадим пожевал губами, считая ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы, а Иван хотел честно сказать «нет», но сообразил:

– А ведь правда, надо идти. У них там офигенная сигнализация, поди. Надо посмотреть.

И вот они уже бродили по залам, посвященным искусству итальянского Кватроченто: Вадим с видом эстета, Ольга, недовольная тем, что нельзя фотографировать, и Середа, выискивающий за каждым полотном датчик сигнализации.

Вадим остановился у полотна Боттичелли, потом отошел, прикрыл один глаз, соорудил из пальцев квадратик, что-то вычленил из картины, долго смотрел, восторженный...

Ольга потрясенно смотрела на него. Она не знала, что бывают такие офицеры ФСБ.

Внезапно Вадим зарыдал – тихо, интеллигентно, наедине с совестью.

– Вадим, Вадим... – с жалостью сказала Ольга.

– Не могу смотреть на Боттичелли без слез. Простите, – сказал Вадим. – Вообще, я хотел стать художником, но потянуло в госбезопасность. Она важнее. На данном этапе.

– Да уж, художники... – с сомнением проговорила Ольга, вспомнив Максима и Федора.

– Вы бы, Иван, больше живописью интересовались, – посоветовал Вадим лейтенанту. – Охранная сигнализация здесь в порядке, я вас уверяю.

– Да? – с вызовом спросил Середа и, оглянувшись по сторонам, снял со стены небольшую картину. Перед этим он на мгновение засунул за картину руку. – Это, по-вашему, порядок?

– Как вы это сделали? Картина не охраняется? – удивился Вадим.

– Почему не охраняется? Вот они, датчики, – указал на стену Иван. – Я их отключил. Система примитивная.

– Ванечка, вы собираетесь ее украсть? – испугалась Ольга.

– На фига она мне? Вас, гражданка Пенкина, все на провокации тянет! – укоризненно сказал Иван, вешая картину на место.

После героического освобождения Ольги она и Иван долго выясняли отношения в отеле «Коммодор». Иван укорял Ольгу не столько за позорящий его снимок, сколько за сотрудничество с мафиозным «Курьером», на деньги которого Ольга и сняла номер в «Коммодоре». Постановил впредь, до суда, называть ее гражданка Пенкина. Ольга же по широте души называла его Ванечка или Ваня. Ей всех было жаль, даже милиционеров и бандитов.

Народу в Лувре было немного. Почти сплошь из СНГ. Мимо промаршировала экскурсия русских теток во главе с экскурсоводом, тоже русской теткой.

– Слышь, Вадим, а французы в Париже есть? – спросил Иван, проводив их глазами.

– Есть. Я видела, – сказала Ольга.

– Но русских-то больше...

– Нас и должно быть больше, – сказал Вадим. – Мы – великая нация.

Все трое на секунду присмирели, ощущая себя представителями великой нации. Но дотошный Иван все же спросил:

– А чем мы великие? А, Вадим?

– Всем. Величиной. Отставить разговоры, лейтенант, – приказал старший по званию.

Иван глубоко задумался. Может быть, впервые в жизни.

Они пошли к выходу.

Когда выходили на улицу, Ольга забежала вперед, навела на агентов «Минолту» и нажала на спуск.

– Клевый кадр! Русские агенты Интерпола выходят из Лувра! – похвасталась она. – Все помню, Вадик, глазки вам на отпечатке прикрою черной полосочкой, чтобы не узнали, – поспешила она успокоить Богоявленского, увидев его недовольство.

– Да я не о том, Ольга. Это понятно... Ты нам за каждый кадр сколько обещала?

– По десять баксов на нос. Если нос есть на снимке, – сказала Ольга.

– А когда платить будешь?

– По возвращении. Сейчас у меня денег не хватит. Ты же знаешь, гостиница пятьсот франков в день, а сколько еще тут проторчим – одному Богу известно.

– И все же – запроси свое начальство. Пусть подошлют. У нас тоже деньги скоро кончатся, – сказал Вадим.

Иван слушал недовольно, сопел.

– У бандитов грязные деньги брать не буду, – наконец сказал он. – Пускай гражданка Пенкина их отмывает.

– Так я их и отмою, Ванечка! Еще как отмою! Хочешь, здесь в «Либерасьон» или в «Фигаро» напечатаем ваши фейсы? – спросила Ольга.

– Это другое дело, – проворчал Иван.

За разговором не заметили стоявших у входа в Лувр двух художников в темных очках. Они что-то малевали на холстах, установленных на этюдниках. Когда троика прошла, художники бодро свернули этюдники и устремились следом за нею.

Глава 15

Потомственный взрывник

В скором времени мафиози Максим и Федор, следя за неразлучной тройкой, дошли до бульвара Осман и увидели, что все трое скрылись в отеле «Коммодор». Максим, оставив этюдник на попечение напарника, скрылся за стеклянными дверями отеля, а Федор, положив на каждое плечо по этюднику, принялся прохаживаться по бульвару, всматриваясь в окна отеля.

Под одним из каштанов на бульваре стоял нищий старик. Перед ним лежала кепка. Старик довольно крепким еще голосом исполнял Марш юных нахимовцев.

Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет!
В мире нет другой
Родины такой.

Путь нам осеняет, словно утренний свет,
Знамя твоих побед.

Простор голубой,
Волна за кормой,
Гордо реет на мачте
Флаг отчизны родной.
Вперед мы идем,
С пути не свернем,
Потому что мы Сталина имя
В сердцах своих несем!

Федор сразу узнал в старике Бранко Синицына, но не мешал ему, слушал песню до конца. Старик пел взволнованно, в конце песни по его небритой щеке скатилась слеза.

– Дед, ты еще на свободе? – весело приветствовал его Федор, когда пение кончилось.

Бранко взгляделся в Федора и вдруг бросился на него с криком:

– Фашист! Недобиток! Не дал мне умереть достойно!

Порыв Бранко разбился о могучую грудь Федора. Тот сделал легкий вдох, распрямив торс, и Бранко отлетел на исходную позицию под каштаном. Федор положил свои руки ему на плечи и проговорил ласково:

– Бранко, умирай достойно, но в одиночку. Зачем тащить с собой еще триста человек?

– Теперь я здесь один! Нищий! Без единого франка! – кричал старик.

– Да, репертуар у тебя... – задумался Федор.

Из отеля «Коммодор» деловой походкой вышел Максим, приблизился к ним, машинально пожал руку Бранко.

– Они в семнадцатом номере. Вот окно, – указал он на окно второго этажа, которое находилось буквально над ними, вблизи каштана. – А ты что здесь делаешь, отец? – обратился он к Бранко.

– Пою, – мрачно ответил тот.

– И танцуешь? – подхватил шутку Максим.

– Нет, только пою, – не поддержал шутку Бранко.

– И много платят?

– За день – два франка.

– Не густо... – Максим оценивающе посмотрел на старика; в голову ему пришла идея. – Хочешь заработать франки и улететь в свою любимую Тирану? Хотя я лично посоветовал бы Гавану.

– Хочу, – сказал Бранко.

– Только учти, тебя там могут расстрелять.

– Пускай.

Максим вынул из кармана бумажку в сто франков, повертел перед носом старика.

– Это задаток. Выполнишь задание, получишь еще девятьсот франков.

– Какое задание? – Глаза Бранко загорелись.

– Вон за тем окном, – указал Максим вверх, – живут оппортунисты...

– Настоящие недобитки, – вставил слово Федор.

– Они опоганили великого вождя. Лимонка при тебе?

Старик с готовностью выхватил из кармана лимонку.

– погоди, не так быстро. Федя, дай ему взрыватель.

Федор протянул старику взрыватель, объяснил:

– Вот здесь сточишь надфилем два миллиметра. Тогда сработает. Понял?

Бранко радостно кивал.

– Взорвешь этих, приходи за гонораром в кабаре «Донья Исидора» на Елисейских Полях, – сказал Максим.

– Только чтобы все надежно. Понял? – веско сказал Федор.

– Я потомственный взрывник! – гордо заявил Бранко. – Мой отец взрывал фашистские составы в отряде Тито. Потом взрывал Тито...

– Не слышал что-то, чтобы он его взорвал... – заметил Максим.

– Отца расстреляли, а мы с матерью бежали в Союз...

– Ладно. Свою автобиографию напишешь следователю, – остановил старика Максим. – И гуманнее, старичок, гуманнее! Постарайся, кроме этих, никого не угробить!

– Слушаюсь, гражданин начальник! – вытянулся в струнку Бранко.

Глава 16

Специалист по Бадди Рестлингу

Настроение у Алексея Заблудского было приподнятое, несмотря на обескураживающий прием в посольстве. Денег дали по русским меркам невероятную сумму: почти миллион рублей. Во франках, разумеется. Как-нибудь разберемся с этим Бадди, думал Алексей. Не уроним чести России.

Подходя по адресу, указанному в посольстве, Заблудский испытал некоторое беспокойство. Он понял, что ему и впрямь предстоит что-то необычное. Здание представляло из себя стеклянный дворец, на фасаде которого развевались флаги. Алексей насчитал сто четырнадцать. Среди них – флаг России. Сознание того, что честь этого конкретного флага, в сущности, зависит от него одного, Алексея Заблудского, необыкновенно окрыляло.

Также на фасаде располагалась огромная афиша с изображением молодого человека в одних плавках с невероятным количеством выпирающих из всех частей тела мышц. Даже из тех, где их, по мнению Заблудского, быть не могло. «Бадди Рестлинг, – подумал Алексей. – Вот он какой. Может, он античный поэт? Или философ. На древнего грека похож».

Но Бадди Рестлинг был похож, скорее, на виноградную гроздь. Мускулы выпирали из него, как ягоды.

Алексей вошел внутрь. В фойе было людно. Самое интересное, что и здесь очень часто встречались люди, по комплекции схожие с Бадди Рестлингом. «Последователи», – решил Алексей и подумал, что это правильно. В человеке все должно быть прекрасно – и лицо, и одежда, и так далее – это он знал с детства, хотя у него самого прекрасными были лишь душа и мысли, а лицо и в особенности одежда – так себе.

Особенно поражали поклонницы Бадди Рестлинга – белокожие и темнокожие женщины с мускулами как у ломовых лошадей. Точнее, коней с яйцами, – так подумал Заблудский и застеснялся грубости этого сравнения.

Алексей ходил среди этих огромных фигур, как в лесу, стесняясь спросить. Наконец осмелился и поинтересовался поанглийски у величавого негра размерами с трех Отелло, где регистрация участников.

– Там, – ответил негр и показал пальцем, напоминающим копченую сардельку, на антресольный этаж холла.

Алексей поднялся туда и увидел длинный стол, за которым сидели девушки в униформе. Перед каждой стоял букетик флажков. Заблудский нашел букетик, в котором находился флажок России, и обратился к соответствующей девушке:

– Хау ду ю ду. Ай эм фром Раша. Май нэйм из Заблудский.

– Здравствуй, – с акцентом произнесла девушка по-русски. – Ты тренер, коуч? Менеджер?

Ему было приятно, что она сразу обратилась к нему на «ты». И мускулов на ней было немного, не больше, чем у Алексея.

– Я один. Элоун, – охотно объяснил он. – Участник. Партисипент.

Она порылась в списках, нашла фамилию Заблудского, после чего с нескрываемым интересом уставилась на Алексея.

– Ты участник форума боди-реслинга?

– Да, меня послали... Ознакомиться. От комитета по культуре.

– О'кей, – сказала она и принялась заполнять документы.

Алексей рассматривал сидящих неподалеку гигантов, тоже занимавшихся оформлением документов.

– Вот твоя карточка участника, намбер...

Намбер, то есть номер, был 77. Счастливый.

– Это программа. Здесь места тренировок. Можешь пойти посмотреть. – Она указала куда-то в сторону. – Конкурсный показ послезавтра.

– Показ чего? – удивился он.

– Тела. Боди.

– Чего? – пролепетал он.

– Мус-ку-ла-туры, – по складам произнесла она.

– Так у меня... Нет ее... – произнес он трагическим шепотом.

– Ай си. Я вижу. Покажешь что есть.

Алексей встал со стула и, как в бреду, направился к дверям, указанным девушкой. Там был прекрасно оборудованный тренажерный зал, где атлеты качали мышцы с неукоснительностью автоматов. Алексей застыл в дверях, наблюдая великолепную и пугающую картину блестящих тел, состоящих из узлов мышц. Он знал, что ни одной такой мышцы у него нет. И таких горделивых поз, какие принимали атлеты, ему никогда не освоить.

Так вот он каков, Бадди Рестлинг! Античный философ, мать его за ногу!

У Алексея был вид человека, пережившего жестокий удар судьбы. Одна из участниц, на голову выше Алексея, проходя мимо, улыбнулась и шлепнула Алексея по заднице. Мол, не робей, мужик.

От этого шлепка Заблудский вылетел из зала, как пушинка, и тихо-тихо, бочком покинул место форума. Уходя, оглянулся на флаг России, который гордо развевался на ветру.

Естественно, последующие три часа Заблудский надирался в каком-то дешевом ресторанчике, придумывая ослепительную месть своему начальству, комитету по культуре и отделу виз и регистрации. Пил он кальвадос, как герои Ремарка.

Когда он вышел из ресторанчика, было уже темно. Над Сеной горели огоньки домов, теплый вечер спустился на Париж, пели шансонье. Алексей размяк, тоже мурлыкал что-то. Ему стало все по фигу, а когда все по фигу – лучше не надо.

«И покажу что есть», думал он. По правде сказать, единственный достойный мускул, который мог посоперничать на международной арене, показу не подлежал. Алексей был из тех мужчин, про которых говорят «маленькое дерево в сук растет». Но и сук никаких не наблюдалось.

Он шел по набережной, напевая Высоцкого, «Все не так, ребята», и не заметил, как попал в толпу клошаров, которые, как летучие мыши, в каких-то хламидах, окружили его и принялись галдеть. Он понял, что они говорят между собой, что вот, мол, еще один русский забрел на набережную.

– А кто первый? – пьяно спросил он по-французски.

Клошары увлекли его под мост, где прямо на гранитном парапете что-то обтачивал лохматый человек, окруженный клошарами. Клошары все время пытались отобрать у него надфиль, человек сердился, отпихивал их локтями и бормотал:

– Не мешайте... Вот народ! Одно слово, клошары!

– Бранко! – воскликнул Алексей и полез обниматься.

Бранко испуганно отшатнулся, но потом увидел, что это не мент и не бандит, приобнял Заблудского, похлопал по спине.

– Хочешь выпить? – спросил Алексей, показывая бутылку кальвадоса.

– Не могу. Срочное задание, – сухо ответил Бранко.

Алексей взглянул на парашют, где лежали лимонка, взрыватель и надфиль.

– Все взрываешь?... А я, брат, так влип, так влип...

Он отхлебнул из бутылки. Клошары окружили его, загалдели, указывая на бутылку.

– На всех не хватит, месье. Самому мало, – твердо заявил Алексей.

Бранко наконец сточил что надо во взрывателе, засунул его в лимонку. Клошары почтительно отступили. Бранко со вздохом сунул лимонку в карман.

– Пошли, что ли? Тебе куда? – спросил Алексей.

– Отель «Коммодор».

– И мне! – обрадовался он. – Пошли вместе. А то в этом Париже... Черт ногу сломит.

Он обнял Бранко за плечи, и они побрели куда-то в темноту по набережной Сены, сопровождаемые почтительными взглядами клошаров.

Глава 17

Авось образуется

Дело в Париже было вечером, делать в Париже было нечего. Ольга с друзьями играли в подкидного дурачка в номере на двоих, принадлежащем Ивану и Вадиму.

На холодильнике стоял стеклянный графин с засунутым в него кипятильником.

В графине варились три яйца.

– Тебе сдавать. – Ольга передала колоду Ивану. – Ты опять дурак.

– М-да... – задумчиво протянул Вадим.

Иван понял намек старшего группы. Мол, с таким помощником далеко не уедешь. Он потемнел лицом и принялся яростно тасовать колоду.

В углу номера работал телевизор. На экране появился диктор, принялся что-то говорить по-французски.

Ольга с надеждой посмотрела на Вадима. Но тот медлил, не переводил, хотел, чтобы его попросили.

– Вадик, ну, пожалуйста... Что говорят?

– На Багамах задержана крупная партия наркотиков, – перевел Вадим.

– Наши работают? – спросил Иван.

– Ваши, – саркастически ответил Вадим.

Иван обиделся еще пуще.

– Значит, скоро вернутся, – сделала вывод Ольга.

– Скорее бы, деньги кончаются, – сказал Вадим.

– Вы, товарищ капитан, все о деньгах... – с укоризной проговорил в пространство Иван.

– Я забочусь о группе. Группу надо чем-то кормить, – парировал капитан.

– Кстати, кипит! – Ольга указала на графин.

Иван отложил колоду, подошел к холодильнику и выдернул шнур нагревателя. Затем распахнул холодильник. Тот был набит едой и выпивкой. Иван вздохнул.

– Может, возьмем чего? Не заметят, а? – спросил он.

– Не роняйте чести офицера, Иван, – сказал капитан. – Нам не расплатиться.

– Ванечка, давай сюда яйца, давай... – Ольга уже поставила на столик блюда, резала хлеб.

Иван извлек ложкой из графина яйца, сложил их на тарелку. Партнеры, обжигаясь, принялись сдирать скорлупу.

– А-а, была не была! Угощаю! – Ольга направилась к холодильнику, широким жестом распахнула его, достала большую бутылку виски. – Надо выпить за знакомство и начало работы!

Она поставила бутылку на столик, а рядом фужеры.

Иван с готовностью разлил виски, получилось каждому ровно по фужеру.

– Вот ведь делают, и отмерять не надо! – радостно удивился Иван.

– Ну, мальчики, за успех нашего дела! – подняла фужер Ольга.

Они чокнулись, и Ольга молодецки проглотила весь фужер разом: была уже привычна, много раз ходила на презентации, где нужно успеть за считанные секунды выпить и закусить, иначе все будет сметено со стола ордой голодных журналистов.

Вадим интеллигентно отхлебнул глоток и поставил фужер на место. Иван же, глядя на Ольгу, тоже допил до дна.

Закусили яйцом, помолчали, ожидая действия шотландского напитка. И он подействовал очень скоро, так что вторая бутылка оказалась на столике ровно через десять минут, – ее достал Иван – а третья незамедлительно последовала за второй. Само собой, с тою же быстротой перемещались из холодильника на столик изысканные закуски: патэ разных сортов, сыры камамбер и горгонзола, селедочка в винном соусе...

Вадим недолго исполнял роль кавалергарда, вскоре он так же молодецки высасывал фужеры до дна, правда, не удержался и попытался-таки испортить настроение Ивану.

– Учтите, лейтенант, расплачиваться за все это придется вам...

– Ой, напугал! – рассмеялась Ольга.

– Ничего, авось образуется... – сказал размякший, захмелевший Иван. – А виски все-таки дрянь в сравнении с водкой.

– Так не пили бы, – заметил Вадим.

– Как же не пить... когда вот оно, полный холодильник!

Ольга закурила, положила ногу на ногу, так что ее круглые коленки невольно привлекли внимание мужчин и потребовали традиционного тоста, который офицеры выпили стоя, отведя локотки в сторону, после чего принялись лобызать Ольгу.

Тут же все перешли на «ты» и еще дальше.

Иван направился в туалет, оттуда раздавались его восхищенные восклицания: «Ну, еб твою мать! Чтоб я так жил!» Вадим же, подсев к Ольге и думая совсем недолго, направил свою тонкую аристократическую ладонь ей под юбку, за что тут же получил увесистый удар по морде. Капитан отлетел, удивленный.

– Ты чего?! – обиделся он.

– А ничего! На хуя мне это надо. Я девственница! – гордо заявила Ольга.

– Пардон... – слегка отрезвел капитан.

Иван вернулся к компании и долго пытался рассказать о том, что он увидел в туалете. Слов не хватало даже с привлечением ненормативной лексики.

Ольга вынула блокнот из сумки.

– Ша, мальчики! Хватит пиздеть. Пишем второй репортаж из Интерпола. Первое событие, то есть мое освобождение, я уже описала.

– Больше событий не было, – развел руками Иван.

– Надо изобрести событие, – сказала она.

– Можно пойти в эмигрантский клуб, – предложил Вадим. – Там много моих бывших подследственных. Будет о чем поговорить. Наверняка случатся события.

– Типа: морду набьют, – прокомментировала Ольга.

И тут из-за стены донеслось глухое и заунывное пение:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

– Наши! – воскликнул Иван.

Они повскакали с мест, причем Иван предусмотрительно прихватил с собою бутылку виски и фужеры, и гурьбою выскочили в коридор. Пение доносилось из-за двери соседнего, шестнадцатого номера. Вадим безо всяких церемоний распахнул дверь...

Посреди комнаты на ковре, поджав по-турецки ноги, сидел Алексей Заблудский и само-забвенно выпевал Есенина, прикрыв глаза.

Перед ним на ковре стояла полупустая бутылка кальвадоса и фужер.

– Алеша! – выдохнула Ольга, бросаясь к нему. – Он же летел с нами, помните? Из Публички, от комитета по культуре... – напомнила Ольга друзьям.

– Культурист, значит? – то ли пошутил, то ли всерьез спросил Иван.

Услышав это слово, Заблудский заплакал и повалился на ковер.

Его подняли, но он твердил лишь одно – «Бадди Рестлинг». Ему догадались дать виски, Алексей успокоился, обвел новых друзей печальными пьяными глазами и сказал:

– Мне-то ничего, фиг со мной. А вот Россия...

– Да объясни ты, что стряслось с Россией! – потребовала Ольга.

– Стряслось! – проговорил Алексей, и в ту же секунду где-то совсем рядом громыхнул страшной силы взрыв. Стена гостиничного номера обвалилась, обнажив соседнюю комнату, где только что сидели Ольга, Иван и Вадим. Она была страшна – мебель переломана, в ковре выжжена дыра, холодильник вдребезги.

Из разбитых бутылок вытекало то, что не успели допить друзья.

– Видишь, я говорил, что все образуется... – неуверенно проговорил Иван, глядя на эту страшную картину.

– Это Бранко. Его почерк, – сказал Алексей.

– Почему ты так думаешь? – сразу приступил к следствию Вадим.

– Да я видел, как он с лимонкой на дерево лез. Я его подсаживал.

Глава 18

Терракт

А дело было так.

Когда Бранко с Заблудским в обнимку подошли к дверям «Коммодора», Алексей пригласил старика зайти выпить кальвадоса. Но Бранко отлепился от него и направился прочь от дверей.

– Ты не пойдешь? – удивился Алексей.

– Мне туда не надо. Помогите мне, брат, – попросил Бранко.

Заблудский послушно поплелся за ним. Они подошли к каштану, росшему под окнами отеля.

– Подсади, будь другом. – Бранко указал на каштан.

Алексей, не удивившись, подставил спину. Бранко вскарабкался на него, ухватился за нижний сук и попытался подтянуться. Но силы старого партизана были уже не те. Он висел на суке, болтая ногами в воздухе. Заблудский поймал его за пятки и с усилием принялся выжимать вверх. Кое-как они справились с задачей, и Бранко водрузился на суку, откуда мог уже перелезть на следующую ветвь.

– Спасибо, товарищ! Иди! Иди! – махнул Бранко рукой. – Дальше я сам.

Заблудский тоже помахал ему рукой и отправился в свой номер. Бранко отломил от дерева тонкую длинную ветвь и не спеша принялся освобождать ее от листьев.

Внизу, под каштаном, возник ансамбль перуанских музыкантов, которые тут же принялись играть на своих дудках и гитарах, не обращая внимания на падающие на них сверху листья. С одной стороны, это было хорошо, потому что создавало шум, с другой – плохо, ибо собрался народ, а это лишние свидетели. Бранко деловито примотал лимонку запасенным шпагатом к концу образовавшегося длинного удилица и провел испытания получившегося террористического приспособления. Он протянул руку с удилицем к раскрытой форточке окна и убедился, что лимонка аккуратно влезает в форточку. Бранко удовлетворенно хмыкнул и протянул лимонку к себе. Однако то ли он ее плохо привязал, то ли шпагат оказался слишком тонким, но лимонка сорвалась и упала вниз, попав прямо на темечко главному перуанскому музыканту, художественному руководителю с гитарой. Хорошо, он был в сомбреро, которое слегка смягчило удар, но не настолько, чтобы перуанец его не заметил. Он упал под каштаном, продолжая еще несколько секунд механически играть слабеющими пальцами. Его собраты склонились над ним, играя на дудках, потому что выступление продолжалось. Потом все так же, не прерывая музыки, они дружно взглянули вверх и увидели в густой листве Бранко.

Музыканты взяли последний аккорд, побросали инструменты и всей гурьбой полезли на каштан, подсаживая друг друга. Это напоминало штурм крепости Измаил Суворовым.

Поверженный перуанский художник остался лежать на бульваре, смотря пустыми глазами в парижское небо. Вокруг каштана стремительно образовывалась толпа зевак.

Бранко, выругавшись, попытался удрать от нападавших. Он стремительно полез вверх, но каштан быстро кончился, и Бранко остался на верхней ветке, которая была очень ненадежна. Перуанцы, похожие на стадо обезьян в сомбреро, ловко карабкались к нему. Привыкли у себя в пампасах. Бранко перекрестился, хотя был убежденным атеистом, и отступил по ветке еще на шаг.

Громила-перуанец, размахивая дудкой, устремился к нему, но тут ветвь обломилась, и Бранко с перуанцем, сосчитав все ветви каштана, грохнулись на бульвар.

Толпа зевак зааплодировала. Они думали, что это бродячий цирк. Цирковому номеру не хватало эффектной концовки. И Бранко, надо отдать ему должное, не растерялся. Он схватил лимонку, которая лежала рядом с поверженным музыкальным руководителем, выдернул чеку и с криком «Оп-ля!» зашвырнул ее в окно второго этажа, причем со страху попал в раскрытую форточку. После чего повернулся к толпе и поклонился подчеркнуто театрально, отставив руки назад. Это его и спасло.

Французы бешено зааплодировали, обрушившиеся с дерева перуанцы тоже принялись кланяться по привычке, а Бранко юркнул в толпу и растворился в ней.

У него было три секунды, и он использовал их максимально.

Вверху, в окне отеля «Коммодор», блеснула молния, прогремел взрыв, на бульвар посыпались осколки стекла.

Бранко самодовольно улыбнулся, потеряв руки и не спеша удалился по бульвару с видом человека, исполнившего свой долг.

Подоспевшая полиция уже вязала ансамбль перуанских музыкантов.

Глава 19

Форум боди-реслинга (1)

В переполненном зале, расположенном амфитеатром, окружавшим центральный помост, под звуки бравурной музыки открылся всемирный форум боди-реслинга.

В центре помоста находился обтянутый канатами ринг, где должны были проходить состязания по реслингу, а вокруг, на подиуме, предполагалась демонстрация боди.

Алексей и его новые друзья за день, оставшийся до форума, успели узнать, что демонстрация боди – произвольная, а реслинг имеет только одно правило: никаких правил.

То есть все складывалось удачно. Делай что хочешь, только побеждай.

Заблудского готовили тщательно. Ольга купила ему трусы за пятнадцать франков и майку – самого маленького размера. Она все равно была великовата. Алексей вспомнил комплекс физзарядки, которому его учили в пионерлагере, устроили репетицию в номере Вадима, полученном вместо взорванного – он был вместительнее, – и решили: где наша не пропадала! Выступим. Не посраим чести России.

На форум отправились все вместе.

Ольге удалось получить журналистскую аккредитацию, а Ивана и Максима пропустили по временным удостоверениям Интерпола. Так что на этом сэкономили шестьсот франков. Места получили роскошные, в ложе прессы. «Минолта» Ольги работала без отдыха. Пенкина успела связаться с газетой «Спорт-экспресс» в Москве, где были изумлены участием русского спортсмена в состязаниях по боди-реслингу и проявили большую заинтересованность в материалах.

Оставалось побеждать.

Заблудский ночь перед состязаниями провел спокойно, молился. Он оказался верующим. Неизвестно, что его больше беспокоило: демонстрация боди или реслинг без правил.

Во втором случае могли запросто убить соперники, а в первом – публика.

Его физические показатели перед состязаниями были таковы: рост сто шестьдесят четыре, вес пятьдесят восемь, количество отжиманий от пола на руках в положении лежа – четыре.

Наконец началось!

Ольга и интерполовцы заняли места в ложе прессы, в первом ряду, в двух шагах от подиума. Уже гремели аплодисменты.

На подиум вышли ведущие – звезды французского кино. Мужчина был во фраке, а женщина в вечернем платье.

– Мадам и месье! Леди и джентльмены! На нас возложена почетная обязанность открыть состязания всемирного форума боди-реслинга, в котором участвуют представители ста четырнадцати стран. Начинаем парад-алле участников!

Под звуки марша на подиум вступили атлеты. Впереди каждого гиганта шествовала девушка с флагом, одетая в несколько полосок материи – на груди и бедрах. Сзади вообще ничего из материи видно не было. По существу, прикрыты были лишь соски и некоторая часть лобка.

Иван поморщился. Он этого не любил. Вадим, напротив, был весь внимание.

Заблудский в новых сатиновых трусиках, усеянных незабудками, шествовал за красавицей, стараясь не смотреть на ее ягодицы. Красавица, играя всеми выпуклостями, несла табличку с надписью «Russia».

– По-моему, ничего смотрится... – шепнула Ольга.

– Да, бабеч в порядке, – кивнул Вадим.

– При чем здесь бабеч! Лешка хорошо смотрится. Свежо.

– С нашей кормежки – вполне прилично, – согласился Иван.

Атлеты под звуки музыки ходили вокруг ринга, делая эффектные движения руками и ногами, вздувая отдельные группы мышц, которые нарастали, как волны, а потом спадали. Алексей проделывал пионерский комплекс, что также смотрелось оригинально.

Во всяком случае, публика не свистела. Русские – черт знает, на что они способны. Немного озадачивала подчеркнутая хилость атлета, но именно здесь и угадывалась изощренная тактическая уловка русских. Это особенно настораживало. Во всяком случае, многие гиганты бросали все более озабоченные взгляды на невозмутимого Заблудского. Явно нервничали.

Судьи выбросили оценки за боди по десятибалльной системе. Победил негр из Швеции, он получил 9,7. Росту в нем было сто девяносто шесть, вес сто пятьдесят четыре, обхват бицепса, как объем груди у Алексея, – девяносто четыре.

Заблудскому дали 3,5, что вызвало негодование публики. Правда, было не совсем понятно – против чего протестуют: по поводу завышения или занижения оценки?

С этими баллами Заблудский занял, как это ни странно, не последнее, а предпоследнее место. На последнем оказался представитель Уругвая, дисквалифицированный за показ непристойных частей тела. Он так раздул мускулы, что его трико лопнуло и кое-что вывалилось. Он был очень опечален.

Некоторой компенсацией оказался приз зрительских симпатий, врученный Заблудскому. Это была серебряная ваза и чек на десять тысяч франков.

Ликованию друзей не было предела. Алексей совсем ошалел и хотел было отказаться от дальнейших состязаний, но ему сказали: нельзя. Он должен был заявиться в один из кругов реслинга.

Тут правила были такие. Каждый атлет мог начинать с первого тура, но мог заявить себя на борьбу сразу во втором, третьем и так далее вплоть до финала. Но если проигрыш в первом туре ничем не грозил, кроме моральных огорчений, то поражение во втором влекло штраф в тысячу франков, в третьем – пять тысяч и так далее. Поражение участника, который начал сразу с финала, влекло штраф в сто тысяч долларов. Но и приз был гигантский: миллион долларов.

Если же атлет честно карабкался к финалу со ступеньки на ступеньку, он мог проигрывать без материальных последствий.

Сразу в третий тур заявили себя швед и представитель Канады. Начать со второго пожелали восемнадцать атлетов. Безумцев, рискнувших выставить себя сразу в финал, не нашлось никого.

Кроме Заблудского.

Когда объявили, что представитель России начинает борьбу в финале, то есть, по существу, ждет, когда все остальные участники выявят между собою сильнейшего, чтобы бороться только с ним за звание чемпиона, в зале началось невероятное. Корреспонденты всех изданий кинулись к Алексею. Пенкина была в первых рядах.

– Вот это по-нашему! – Ольга успела расцеловать Заблудского, но была оттеснена собратями по профессии, которые совали микрофоны в зубы Алексею и обстреливали его вспышками блицев.

Алексей на все вопросы отвечал двумя фразами, причем обе плохо поддавались переводу.

Первая: – Пропадать, так с музыкой!

Вторая: – Нам, татарам, один хуй!

Из чего некоторые агентства заключили, что Заблудский – представитель Татарстана.

Таким образом, еще до начала состязаний по реслингу была одержана первая крупная моральная победа. Противники были психологически подавлены. Начались уже схватки первого круга, но публика и корреспонденты не обращали на них никакого внимания. Все взоры были устремлены к Заблудскому.

Ольге удалось все же пробиться к нему. Она обняла его за хилые плечи, нежно спросила:

– На что надеешься, Леш?

– Ни на что, – отвечал он спокойно. – Убьют, передай вазу маме, а десять тысяч франков – на перевоз тела домой и похороны.

– А если не убьют? Если только покалечат? Кто штраф будет платить?

– Комитет по культуре! – сказал Алексей, и глаза его мстительно блеснули.

Глава 20

Новое задание

Перес де Гуэйра по своему обыкновению сидел в кабинете, положив ноги на стол и покуривая сигару. На нем было черное сомбреро, в руках пистолет. Мафиози Максим и Федор писали его портрет на одном холсте двумя кистями. Тренировались для Монмартра.

В кабинет робко вошел Бранко Сеницын и остановился в дверях.

Мафиози не обратили на него ни малейшего внимания.

Бранко помялся немного, он не привык просить.

– Това... – начал он, но осекся. – Господа, я пришел за вознаграждением. Дело сделано.

– Кто этот человек? – холодно спросил Перес, не выпуская сигары изо рта.

– Бранко Сеницын. Тот самый, – ответил Максим.

Они разговаривали так, будто Бранко не было рядом. Старик начал волноваться.

– О каком деле он говорит? – спросил Перес.

– Вероятно, о взрыве.

– То есть о деле, которое он завалил? – продолжал Перес.

У Бранко перехватило дыхание.

– Господа... Как на духу... Мощный взрыв, стекла повывлетали. Даю руку на отсечение, там никого не осталось в живых...

– Побереги руку, она тебе еще понадобится, – заметил Перес.

– Господа, я не понимаю. Что-нибудь не так? – заволновался Бранко.

– Вы газеты читали, Сеницын? – спросил Максим.

– Нет. Я не понимаю по-французски.

– В газетах написано, что человеческих жертв нет. Взрыв произвел материальный ущерб.

– Как?! – воскликнул Бранко.

– Мало того. Вы нарушили договор. Обещали взорвать сами, но потом зачем-то привлекли для этой цели перуанскую банду.

– Они меня чуть не убили! – воскликнул Бранко.

– Вот-вот, они тебя чуть не убили, они интерполовцев чуть не убили! – взорвался Перес. –

А «чуть» не считается! Убивать надо! Убивать!

Сеницын сник. Он понял, что денег не дадут.

Максим отложил кисть.

– Что будем делать, мистер Перес?

– Зови уж меня тогда Перес-сан, – улыбнулся Яша.

Он пронизывающе глянул на Бранко.

– Будешь работать на нас?

– Вы так спрашиваете, будто у меня есть выбор! – взвился Бранко. – Конечно, буду!

– То-то, – подобрел Перес.

Он отложил пистолет, снял шляпу и, поднявшись с кресла, взглянул на холст.

– М-да... Вы когда-нибудь раньше рисовали? – спросил он художников.

– Мы абстракционисты по легенде. Александр Маркович велел работать под Кандинского, – вызывающе сказал Максим.

– Морду вам набьют на Монмартре за такого Кандинского, – сказал Перес и вышел из комнаты.

Федор почесал подбородок.

– Чего ему не нравится? Похоже, Бранко? – спросил он старика.

Бранко взглянул на холст.

– На что?

– Не на что, а на кого. На Переса похоже?

– А кто такой Перес?

– Прости, забыл вас познакомить, – сказал Федор.

Перес вернулся в кабинет. Он нес картонный ящик из-под макарон, сгибаясь в три погибели под его тяжестью. Тяжело грохнул его на пол.

– Вот Перес, – представил главаря Федор.

– Очень приятно, – кивнул Бранко. – Что это? – указал он на коробку.

– Динамит, – лаконично ответил Перес.

Он запустил руку в коробку и извлек шашку динамита. Передал ее Синицыну. Бранко почтительно взвесил шашку на руке.

– На весь Интерпол хватит, – сказал Максим.

– Нет, доза на одного человека, – покачал головой Перес.

Бранко нагнулся и вытащил из коробки еще две шашки.

– Сообразительный! – похвалил Перес. – Возьми еще это. – Он указал на часовой механизм, напоминающий будильник с циферблатом и контактом для взрывателя. Рядом лежало устройство дистанционного управления с пластмассовой кнопкой, размерами с кофейное блюдечко. Перес не спеша завел будильник, поставил время, вставил контакт в динамитную шашку.

– Делается вот так, – пояснил он Бранко. – Выбирается удобное место, подкладывается заряд, рассчитывается время и...

– Ба-бах! – вскричал Бранко так внезапно и громко, что художники вздрогнули. – Все понял!

Перес несколько секунд смотрел на него безнадежным взглядом.

– Где вы учились, Синицын? – спросил он задумчиво.

– В высшей партийной школе, – ответил Бранко.

– Тогда действуйте.

Перес плюхнулся в кресло, наблюдая, как Бранко вновь укладывает шашки в коробку и пытается связать ее своим брючным ремнем.

– Куда вы ее собираетесь нести? – спросил Перес.

– В отель «Коммодор».

– Не надо. Сначала выследите, где они бывают, потом минируйте. «Коммодор» больше не трогайте. Эта штука разнесет отель на куски, а я не хочу ради двух ментов портить Париж.

– Значит, взрывать не в Париже? – не понял Бранко.

– Лучше всего в общественном туалете, – посоветовал Перес.

– Они туда не ходят. Туалеты платные, – подал голос Максим.

– Ну, я не знаю! Придумайте что-нибудь! Вы же исполнители. Я не могу заниматься мелочами. – Перес сделал знак рукой, давая понять, что сеанс окончен.

Взрывники, подхватив этюдники и динамит, поспешили на Монмартр.

Глава 21

Форум боди-реслинга (2)

Постепенно внимание публики переместилось к рингу, и Алексей смог немного передохнуть. Он осмотрелся по сторонам, увидел рядом с креслом, где он сидел, прислоненный к стене и уже никому не нужный флаг России.

Алексей подошел к флагу и снял полотнище с древка. Затем он завернулся в это полотнище, поскольку в зале было прохладно, а из одежды на Алексее – одни трусы. Увидев это, публика снова зааплодировала.

В таком виде, раскрашенный в государственные цвета, он явился в ложу прессы к друзьям, чтобы вместе понаблюдать за схватками.

– Алексей, ты бы знамя снял. Привлекаешь внимание, – посоветовал ему Вадим.

– И правильно, что привлекает, пусть знают наших! – возразила Ольга. – Носи знамя, Лешенька. Ты – финалист!

Самозванный финалист наконец вперился глазами в ринг и только тут понял, какое испытание ему предстоит.

Борцы, раскрашенные в боевые цвета, как индейцы, обращались друг с другом с такой неимоверной жестокостью, перед которой бледнели средневековые пытки. В начале схватки, как правило, они пытались задушить друг друга, обхватив своими ручищами шею противника. Однако шеи были крепкие, не задушишь. Затем борцы переходили к ударам. Наибольшей популярностью пользовался удар головой противника о собственное колено. Поверженных на пол соперников добивали, прыгая на них сверху всей тушей, стараясь смять, раздавить, раздробить. Туши были по полтора центнера в среднем. При ударе туши о тушу возникал леденящий сердце глухой звук отбиваемого мяса. Атлеты умело пользовались пружинящими канатами. Отталкиваясь от них, они неимоверно увеличивали силу удара. Было впечатление, что на ринге происходит побоище паровых молотов – с уханьем, скрежетом и лязгом.

Алексей медленно оседал в российском знамени, пока оно не покрыло его с головой.

Ольга нашла его там, заглянула сверху в дырку. Алексей был бледен, как мел.

– Как ты думаешь, сколько мне удастся продержаться? – прошептал он.

– До первого удара, – прямо сказала Ольга. – А ты уворачивайся. Ты легкий, а они, смотри, какие неповоротливые!

– Я буду уворачиваться... – прошептал он.

Особенно страшное впечатление производил итальянец Бузатти. Он уже раздавил шведа, которого вчетвером унесли с ринга, разбил о свое могучее колено морды двум неграм и выбросил за канаты, как пушинку, болгарина. Весь в крови соперников, он яростно рычал, продвигаясь к финалу.

Алексей наблюдал за ним, как наблюдает из окопа новобранец за движущейся на него колонной танков. Он высунул голову и руку из знамени, попросил Ольгу:

– Дай лист бумаги и авторучку.

Ольга достала из сумочки блокнот, вырвала лист. Алексей пристроился писать письмо на обложке блокнота.

«Дорогая мамочка!

Пишу тебе перед выступлением по Бадди Рестлингу. Все же пришлось выступать, хотя материал для меня незнакомый, немного волнуюсь...»

Бузатти в это время добивал поверженного турка ногами в живот. Слышался хруст турецких костей.

«...Встретили меня хорошо, аплодировали. Я один представляю всю Россию. За нее, как говорится, не жалко и голову сложить. Но это я к слову. Тебе передадут вазу, не удивляйся. Отдай три тыщи рублей, которые я занимал у Семендяева. Здесь было очень интересно, узнал много нового. Целую тебя, милая мама! Прощай. Твой Алешка.»

Он сложил листок вдвое, надписал адрес.

– Отошлешь дома, – сказал он, передавая листок Пенкиной.

Она кивнула. Слезы стояли у нее в глазах.

Мужчины-интерполовцы сидели молча, закусив губы. Вспоминали ОМОН. Здесь очень пригодился бы батальон ОМОНа. Иначе с этими зверями не справиться.

Бузатти только что свернул шею японцу и вышел в полуфинал, где его соперником был негр из Камеруна. Тоже изверг рода человеческого.

Они сшиблись в центре ринга с таким звериным воплем, что Алексей на секунду потерял сознание. Когда он открыл глаза, камерунец в прыжке вонзал обе черные ноги, похожие на железнодорожные шпалы, в живот сопернику. Но Бузатти и ухом не повел. Кстати, у него не было уха, ему его откусили в семьдесят девятом году на чемпионате Европы. Оттолкнувшись от канатов, он устремился лысым черепом вперед и с хрустом вонзил его в плоский мясистый нос негра.

Лысина стала красной от крови. Негр зашатался, потрясенный в прямом и переносном смысле слова. А Бузатти, не теряя ни секунды, ребрами ладоней с двух сторон ударил его в шею. Глаза негра выскочили из орбит, на секунду осветив своими ослепительно белыми белками окружающее пространство. Негр автоматически провел ответный удар коленом в пах Бузатти, но тут же получил громадную оплеуху ладонью по челюсти и упал на спину. Бузатти взвился в воздух, сгруппировался и десятипудовым фугасом устремился вниз.

Пока он падал на растопырившего зенки камерунца, в зале была гробовая тишина. Слышно было лишь то, как от волнения икнул Алексей. Тело Бузатти с запасом кинетической энергии в десять мегатонн тротила упало на негра, что-то крякнуло, зашипело и испустило дух.

Все было кончено. Соперник Заблудского определился. Точнее, не соперник, а убийца.

Бузатти, помахав окороком руки, отправился перекусить. После каждого боя он съедал пять отбивных с кровью и выпивал галлон пива.

Жить Алексею осталось ровно пять отбивных и один галлон.

Однако он взял себя в руки и, когда судья-информатор объявил, что для финального боя на ринг вызывается представитель России, эффектным жестом скинул с плеч знамя и побежал по проходу к рингу.

Стремление к эффектам его и спасло. Он хотел попасть на ринг так, как это делало большинство тяжеловесов. Они просто кидали свое тело на верхний канат, переваливались через него и, получив толчок от распрямившегося каната, оказывались одним прыжком в центре ринга. Алексей хотел повторить этот трюк, прыгнул грудью на канат, но перевалиться в силу малой инерции тела не удалось, и канат просто отбросил его назад, в зал. Алексей описал дугу в воздухе, перелетел через подиум и рухнул в проходе, поломав затылком спинку стула. Как подычий Крякутный, когда учился летать с колокольни.

Его подняли. Кроме вздувшейся шишки на затылке, Алексей получил открытый перелом предплечья.

– Повезло дураку... – пробормотал Вадим. – Отделался легким испугом.

– За державу обидно, – сказала Ольга.

Многотысячный зал, жаждавший крови, разочарованно загудел. Крови было мало.

И тут Иван Середа, подхватив оставленное Заблудским знамя, которое развевалось за ним, как плащ Александра Македонского в рекламном клипе банка «Империял», коршуном слетел к рингу и, юркнув под канаты, оказался рядом с рычащим от нетерпения Бузатти. Он был итальянцу по подмышки.

К Ивану подскочил рефери.

Иван что-то коротко сказал ему непонятно на каком языке, последовало короткое совещание судей, после чего информатор объявил:

– В команде России замена. Вместо получившего травму Алексея Заблудского выступает запасной Иван Середа. Согласно положению, штраф за проигрыш увеличивается в этом случае до двухсот тысяч долларов.

– Не потянет министерство внутренних дел такую сумму, – сказал Вадим.

– А ФСБ потянет? Иди на ринг! – блеснула глазами Ольга.

Алексея унесли в медпункт, секунданты уже готовили Ивана к схватке. Бузатти из своего угла изучал соперника.

Когда Ивана раздели до синих сатиновых трусов, выяснилось, что он мог бы рассчитывать на пять баллов по боди. Крепкий был мужик, из Рязанской области.

Кроме трусов, на нем остались черные носки, что придавало Ивану особенно боевой вид.

Соперников свели в центре, они пожали друг другу руки. Бузатти смотрел на Ивана сверху, как на таракана, выползшего неизвестно откуда. С удивлением и некоторой настороженностью.

Ударил гонг. Бузатти растопырил ручищи и двинулся на Ивана, издавая истошный вопль:
– А-аа!

– Хуй на-аа! – звонко закричал Иван и, быстро обежав соперника, сунул ему ногой в носок промеж лопаток. Все-таки хорошо его учили в школе милиции. Растяжка не подвела, носок сверкнул в воздухе, как молния. Бузатти оглянуться не успел.

Публика зааплодировала. Это была какая-то новая тактика.

Бузатти повернулся к Ивану с некоторым недоумением. Комариный укус носка он не ощутил. Увидев соперника, он поднял кулак и занес его над головой Ивана с явным намерением опустить на темя, но Иван, уклонившись от этого предложения, схватил просвисевший в воздухе кулак Бузатти и мигом вывернул гиганту руку за спину по своей старой милицмейской привычке.

Итальянец согнулся, и тут Ваня залепил ему черным носком в морду. Не опасно, но обидно.

Бузатти запыхтел, стараясь вырваться. Ему удалось другой рукой дотянуться до шеи Ивана, и он принялся ее ломать одними пальцами. Слышался хруст сдвигаемых позвонков.

Ольга была бледна. Она не переставая щелкала «Минолтой», помня о профессиональном долге, а скорее чисто автоматически и шептала только:

– Держись, Ванечка... Держись...

Ивану удалось освободить шею, но и Бузатти вырвал свою руку. Они снова ходили по кругу, глядя друг на друга яростными глазами.

Гигант явно проигрывал в ловкости. Едва он начинал грозное движение, как Иван тут же оказывался у него за спиной, успевая вклепить Бузатти удар по заднице или ребрам. Итальянцу это было как слону дробина, мышц для защиты хватало, но самолюбие его явно было задето.

Наконец ему удалось поймать Ивана за руку. Он притянул его к себе, обнял обеими руками и стал нежно душить, прижимая к своему животу. Иван потерялся в его ручищах, торчала лишь его голова, как тогда из рулона рубероида.

– Все. Финита ля комедия, – проговорил Вадим.

И тут в зале раздался истошный Ольгин вопль:

– По яйцам его, Ванечка! По яйцам!

Иван резко двинул коленом в пах Бузатти. Тот неожиданно завизжал и завертелся на ринге от боли. Иван же, освободившись, подпрыгнул вверх и провел классический прием каратэ: удар пяткой по челюсти. Ярko вспыхнул блиц «Минолты». Итальянец закачался от боли сразу в двух местах, а Иван вспрыгнул ему сзади на спину, обхватил голову Бузатти и, вонзив ему указательные пальцы в глазные веки, стал давить, стараясь загнать глаза поглубже.

Ослепший, оседланный Иваном гигант, изрыгая ругательства, шатался на ринге, терпел, но глаза все-таки дороже миллиона долларов!

– Баста! – прорычал итальянец. – Финита!

– Я же говорил: финита, – пожал плечами Вадим.

Иван спрыгнул с соперника, посмотрел на свои побелевшие от напряжения пальцы. Итальянец все еще был ослеплен, глаза медленно возвращались на свое место, не показывая Бузатти ничего, кроме красных и зеленых кругов.

Информатор объявил:

– Победа России!

Что творилось в зале! итальянцы рыдали, негры плясали, японцы молились. И все орали на своих языках. Но громче всех кричала Пенкина:

– Победа России! Ура! Ванечка! Ваня! Победа!

Вадим дружелюбно аплодировал подчиненному, соображая, какую часть из миллиона долларов надо отдать министерству, какую оставить себе и как делить эти деньги между членами группы.

Алексей, лежа в медпункте с шиной на предплечье, услышал рев зала и поинтересовался:

– Его убили?

– Нет! Ему выдавили глаза! Вот так! – пожилая французская медсестра хищно изогнула пальцы. – Так ему и надо, этому грязному макароннику!

– Он не ест макарон, – возразил Алексей.

– А то я не знаю, кто ест макароны, а кто не ест! Лежи и не дергайся... Ты побеждал вашего запасного у себя в стране? – поинтересовалась она.

– Ивана? Нет, еще не приходилось встречаться... Мы с ним в разных командах. Как же он теперь без глаз? В Интерполе?

– У русского глаза на месте. Это у итальяшки они там, там, внутри! Под черепушкой! Русский загнал его глаза внутрь и получит за это миллион долларов! – восторженно проговорила медсестра.

Алексей снова потерял сознание.

Глава 22 Триумфатор

А на ринге уже сооружали пьедестал для награждения. Бузатти с красными слезящимися глазами потерянно бродил по подиуму. Четыре служителя принесли для церемонии камерунца, положили на ступень пьедестала с цифрой 3. Камерунец еще не пришел в сознание.

Иван, завернутый в знамя России, давал интервью французскому телевидению. На все вопросы отвечал правдиво, кроме вопроса о профессии. Здесь он скромно именовал себя служащим.

Корреспонденты особенно интересовались его товарищем по команде, первым номером российской сборной Алексеем Заблудским.

– Силен как бык, – сказал про него Иван. – Я его побаиваюсь.

– Чем же он силен? С виду мсье Заблудский не производит впечатление могучего человека, – задал вопрос корреспондент.

– У нас все сильны духом, – ответил Иван.

И тут его пригласили на награждение.

Атлеты заняли места на пьедестале. В центре, на верхней ступени, стоял Иван Середа с накинутым на плечи российским флагом. Справа от него тер глаза итальянец Бузатти, слева лежал бездыханный камерунский негр.

– Первое место в состязаниях по реслингу занял Иван Середа, Россия! – объявил информатор. – Он награждается золотой медалью и чеком на миллион долларов. Кроме того, официальный спонсор форума фирма «Тойота» дарит победителю автомобиль модели «карина»!

На шею Ивану повесили золотую медаль, вручили чек и ключи от «тойоты карины». Бузатти получил чек на триста тысяч долларов и японский телевизор. В руку негра вложили чек на сто тысяч.

Оркестр заиграл гимн Советского Союза за неимением другой официальной русской музыки.

Иван прослезился. Слезы струились у него по щекам, он украдкой вытирал их кончиком национального флага.

Плачущая Ольга наугад щелкала камерой, потому что слезы застилали ей глаза.

Вадим аплодировал сходительно. Он явно завидовал молодому товарищу. Кроме того, никак не мог решить морально-этический вопрос с долларами.

Поэтому, когда Ивану воздали положенное и он снова оказался рядом с товарищами, Вадим невзначай спросил:

– Что с деньгами будем делать, лейтенант?

– Разделим поровну. На четыре части, – ответил Иван. – Победа общая.

– А министерству?

– Фиг ему, министерству! – выпалила Ольга. – Министерство его на форум не посылало.

Тут, кстати, вспомнили о первом номере команды, отправились его разыскивать, сопровождаемые телевизионными операторами, которые снимали каждый шаг Ивана.

– Засветимся на весь мир, – недовольно бурчал Вадим. Он уже был представлен Иваном как тренер.

Ликующего Алексея нашли в медпункте. Лежа на койке, он пел, дирижируя загипсованной левой рукой:

Этот день Победы порохом пропах!

Это праздник с сединою на висках!

Его подняли, в обнимку проследовали к выходу из дворца спорта, где уже ждала триумфатора новенькая «тойота». Представитель японской фирмы выдал Ивану все необходимые документы.

– Прошу! – широким жестом пригласил друзей в машину Иван.

– погоди, Ваня! А затариться? – остановил его Алексей.

Он подозвал служителя, что-то сказал ему по-французски, а через минуту двое гарсонов уже тащили в «тойоту» ящик шампанского.

– От нашего стола вашему столу! – шутил Алексей. Он молодецкато расплатился франками, поскольку уже успел с помощью все той же медсестры поменять чек на наличные. Сама медсестра тоже толпилась рядом, прижимая к груди серебряную вазу. Она все боялась, что Алексей ее забудет.

Иван сел за руль, Ольга села рядом, сзади устроились Вадим и Алексей, а между ними – ящик шампанского и серебряная ваза. Едва отвалили от тротуара, Заблудский открыл первую бутылку, налил полную вазу и передал на переднее сиденье Ольге.

– Иван за рулем, пей за двоих! – сказал он.

– Хоть за троих! – храбро сказала Ольга. – Ну, Ванечка, ты им дал просрать! За тебя!

И она припала к вазе.

– Боюсь, могут последовать неприятности, – сказал Вадим.

– Не нуди, Вадик! – Ольга оторвалась от пустой вазы, передала ее назад.

Сбоку от них мчалась открытая машина французского телевидения. Оператор не спускал объектива с чемпиона мира по реслингу и его друзей.

Оказались на Монмартре, среди пестрой толпы актеров, музыкантов и художников.

Ольга первая обратила внимание на знакомые фигуры в бархатных куртках и беретах. Они стояли у этюдников и с важным видом водили кистями по холстам. За ними с оценивающим видом толпились зеваки.

– Смотри! – толкнула Ивана в бок Ольга.

– Федя... – растроганно проговорил Иван, выключил зажигание и вылез из машины, направляясь к бывшему врагу.

За Иваном нестройными рядами поплелись друзья: Ольга с бутылкой шампанского, Вадим с вазой и Алексей с двумя бутылками. Он был уже совершенно пьян.

– Федя, кто старое помянет... – Иван уже обнимал гориллоподобного художника. – У меня сегодня такой день!..

– Женишься, что ли? – не понял Федор, взглянув на Ольгу.

– Это успеется, – отвечал Иван. – Я, Федя, чемпион мира по реслингу!

– Хуеслингу! – конечно же, вырвалось у Федора. – А что это такое?

– Это когда можно драться как хочешь – руками, ногами, зубами – без всяких правил.

– Да мы всегда так деремся! Ишь удивил!

Иван обернулся к своим:

– Ребята, дайте мужикам шампанского.

Ольга налила шампанского в вазу, поднесла Федору. Увидев Ольгу, Федор отшатнулся.

– Ты?!

– Пей, мудила гороховый, – ласково сказала Ольга. – Это не отравка.

Федор принял вазу, приложился, передал Максиму. Иван чокнулся бутылкой со своими и провозгласил тост:

– За Россию! Мы, положим, сыщики, вы – мафия. Но все мы – русские!

– Ваня, дай я тебя поцелую! – растрогался Федор. – Молодец! Не посрамил чести!

Они облобызались. Телевидение снимало эту сцену.

– Это дело надо отметить, – предложил Максим. – Тут одно кабаре есть. Отличное место!

– Поехали! – радушно показал Иван на «тойоту». – Денег хватит. Миллион долларов дали.

Бандиты-художники ослабли, закачались, как от паралайзера.

– Сколько? – проговорил Максим.

– Миллион. Поехали!

Федор нашел в себе силы направиться к дверце, но вдруг остановился.

– А вы нас того... не в Интерпол свезете?

– Обижаешь, Федя... – укоризненно сказал Иван.

Перегруженная пассажирами «тойота» медленно тронулась с места. Над Монмартром зажглись вечерние огни.

Ольга сидела на коленях у Алексея, и тот, онемев от счастья, боялся пошевелинуться, чтобы не обнаружить то, чего обнаруживать было нельзя.

Когда проезжали по набережной под мостом, Алексей вдруг скомандовал:

– Останови, Ваня!

Иван затормозил.

– Эй, клошары! – крикнул Алексей в темноту из окна машины.

Откуда-то из темных углов к машине осторожно приблизился человек семь клошаров.

Алексей протянул им из окна две бутылки шампанского. Они были буквально вырваны из рук. Алексей застонал от боли в сломанном предплечье.

– Мать вашу! – выругался он. – Выпейте за русского богатыря Ивана и меня не поминайте лихом, – сказал он по-французски.

Клошаров уже и след простыл.

Через пять минут были на Елисейских Полях, у входа в кабаре, где на этот раз не пробиться было от скопления автомобилей новейших марок.

– Паркуйся на гостевых местах доньи Исидоры, – указал Максим на свободное место.

Едва припарковались, из темноты возник молчаливый Бранко.

– Дед, а ты здесь какими судьбами? – воскликнул Алексей.

– Работает гарсоном, – объяснил Максим. – Оставьте ему ключи, он присмотрит за машиной, уберет... Исправный.

Иван кинул ключи через капот машины. Бранко поймал, стал кланяться почему-то по-японски, сложив ладошки перед грудью.

- Прошу вас! – указал на дверь Максим.
- Гости прошли внутрь. Федор задержал за полу куртки Максима.
- Максим, зачем же так по-свински поступать? Старик же их взорвет!
- Я ему этого не приказывал. У каждого своя работа, Федя. Не бери в голову, – ответил напарник.
- Они устремились за гостями.
- Бранко подошел к «тойоте», провел рукой по капоту.
- Хорошая машина... Жалко портить... – пробормотал он.

Глава 23

Неудавшийся стриптиз

Максим первым делом пошел доложить хозяину о новых гостях. Войдя в кабинет, он увидел следующую картину. Перес, склонившись над тарелкой, в которой была гора квашеной капусты, обеими руками уплетал ее, чавкая и урча от удовольствия. Завидев Максима, он рукой поманил его к себе.

– Присоединяйтесь! – предложил он. – Только что получили из России. Прямо с Тишинского рынка. Это бесподобно.

Донья сидела у трельяжа, красилась перед выступлением.

Максим взял щепотку капусты из вежливости, бросил в рот.

– Между прочим, агенты Интерпола в зале, – сказал он небрежно.

– Не есть хорошо, – сказала донья.

– Какие агенты? Где? – встревожился Перес.

– Те самые. Из России. Мы их доставили сюда.

– Где Бранко? – Перес поспешно вытер руки платком. – Надо взрывать!

– Он уже взрывает, шеф.

– Никакой взрывать! – взвилась донья. – Мой гость русский офицер. Я есть дать ему концерт, выпивка, дансинг. Потом взорвать, потом!

– Ну, если тебе так хочется, дорогая... – Перес обнял и поцеловал Исидору.

Максим вернулся в зал. О миллионном чеке Ивана говорить Пересу не стал.

Федор уже организовал столик, на котором стояли серебряные ведерки со льдом. Из ведерок высовывались серебряные горлышки шампанского. Кабаре было заполнено до отказа.

Максим уселся рядом с Федором, шепнул ему:

– Приказано напоить, потом взорвать.

– Неудобно. Сами пригласили... – проворчал Федор.

Вадим уже делал заказ официанту на всю компанию. Явно мелочился, выискивал закуски подешевле. Иван по праву виновника торжества сделал ему дружеское замечание:

– Да не жидись ты, капитан. Миллион в кармане.

– Антисемитизм мне неприятен, – сказал капитан.

– А что это такое? – спросил Иван.

– Ненависть к евреям, – объяснил капитан.

– С чего ты взял? – искренне удивился Иван.

На низкую эстраду вышел конферансье во фраке и объявил по-французски:

– Выступает несравненная донья Исидора!

Исидора появилась под звуки гитар мексиканско-питерского трио. Была она в парчовом, облегающем тело длинном платье с вырезом до крестца на спине, перечеркнутой прозрачной ленточкой от лифчика, в длинных перчатках и в туфлях на высоких каблук.

Донья мягко, по-кошачьи двигалась по сцене и пела что-то испанское. Впрочем, пение не было козырем доньи, и она это знала. Так же, как и танец. Спев совсем немного, Исидора принялась стягивать с руки левую перчатку. Начиналась коронка доньи – стриптиз.

Медленно-медленно, как старая змеиная кожа, перчатка покидала руку Исидоры, обнажая великолепной формы руку – чувственную до такой степени, до какой может быть чувственна простая женская рука.

– Если у нее рука такая... – не закончил фразу Вадим.

– Там все в порядке, знай наших! – воскликнул Федор.

Перчатка упала на пол под рев зала.

За ней последовала вторая.

На снятие перчаток ушло минут пятнадцать. Донья приступила к платью.

Она обернулась спиной к залу и, покачивая бедрами, нашла в самом низу выреза хвостик молнии. Исидора потянула за хвостик так медленно, что одного из пуэртиканцев за столиком в зале хватил сексуальный удар. Его унесли.

Молния расстегнулась на три сантиметра, начав обнажать кружевные черные трусики доньи.

Едва Иван увидел их край, он повернул стул так, чтобы сидеть спиной к эстраде. Он не любил стриптиз. Точнее, никогда не видел, а увидев, невзлюбил.

Донья продолжала сладострастно продвигать молнию все ниже и ниже, медленно показывая трусики. Неизвестно, что было лучше и дороже – парчовое платье или кружевные трусики.

Публика выла от восторга.

Вадим нахмурился, он едва сдерживал то, что в народе называют оргазм.

Ольга была вполне индифферентна, пила шампанское. Мафиози Максим и Федор вели себе спокойнее Вадима, но тоже не без чувства.

Наконец под звуки гитар молния благополучно доехала почти до конца подола, и Исидора вышла из своего платья, как Афродита из пены. Переступила его туфельками и оставила искрящимся холмиком на эстраде, а сама предстала перед публикой в трусиках и полупрозрачном лифчике, умело показывающем основные достоинства груди. Грудь была небольшая, острая, с гигантскими сосками, торчащими из-под лифчика, как гвозди.

Иван зевнул в пространство. Ему надоело наблюдать темнокожие физиономии с устремленными на донью горящими глазами.

– Скоро она кончит? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Вадим, бледнея еще больше.

Донья принялась за лифчик и расправилась с ним на удивление быстро, минут за пять. Мексиканское трио наконец раскогегарилось. Гитары бренчали резво и стройно, любо-дорого.

Когда лифчик обвалился на пол, донья издала под музыку нечто, похожее на хриплое рычание, и Вадим этого не выдержал. Извинившись, он ушел в туалет. Его покачивало.

Здесь зрители были крепче. Они требовали главного и знали, что им это дадут.

Но тут донья наконец заметила, что один из мужчин в зале сидит к ней спиной. Профессиональное самолюбие доньи было задето. Изгибаясь всем телом и пританцовывая, она начала движение с эстрады в зал, к столику, где сидела русская компания.

Пытавшийся вернуться из туалета Вадим заметил, что донья подходит к его друзьям, и поспешно ретировался обратно.

А донья, обойдя столик, остановилась напротив Ивана и начала работу с трусиками. Ее соски были направлены на лейтенанта, как дула пистолетов Макарова.

Иван не знал, куда спрятать глаза.

– Чего прицепилась?.. Скажите ей, чтобы ушла... – бормотал он, нагнув голову.

Ольга попыталась было заслонить собою Ивана, спасти от позора, но служители кабаре мягко и бесшумно осадили ее, вернули на место. Нельзя мешать выступлению.

Трусики были на полу! Восторг зала достиг апогея, все орали слова любви и признательности донье.

Все, кроме Ивана. Лейтенант милиции сидел, набывшись, пунцовый от стыда, а рядом с ним покачивала бедрами обнаженная красавица.

– Как вам не стыдно... – глухо пробормотал Иван. – Вы же девушка...

– Что?! Что ты сказать?! – Донья сделала знак музыкантам, чтобы те прекратили играть. Зрители тоже замолчали. В зале наступила внезапная тишина.

– Неприлично это... Как она не понимает... – продолжал Иван, обращаясь неизвестно к кому.

– Ты?! – Донья с изумлением смотрела сверху на Ивана.

– Вы роняете свое женское достоинство! – наконец внятно объяснил ей свое недовольство Иван.

Донья побледнела. Все ожидали, что она сейчас на правах хозяйки выставит за дверь этот бесчувственный милицкий чурбан, но Исидора внезапно упала на колени перед Иваном и принялась с жадностью целовать его руки.

– Ты красной! Красной! Мой Бог! Он красной, как рак! Это счастливый меня! Ты хотел, чтобы я одевалась? Да? Да? – Она заглядывала ему в глаза.

– Да... Оденьтесь, пожалуйста... – попросил он.

Исидора выпрямилась. Глаза ее блеснули. Она указала на Ивана царственным жестом.

– Он мой мужчина. Никто не есть его трогать. Я любить его!

И вернулась на эстраду, не забыв подобрать трусики. Там она собрала разбросанные части туалета и удалилась, помахивая ими в воздухе. Прощальный воздушный поцелуй она послала Ивану. Но тот его не видел, он по-прежнему сидел спиной к эстраде.

Глава 24

Посол доволен

А в это время Бранко, напевая народную партизанскую песню, минировал «тойоту карину». Делал это, как всегда, тщательно, с любовью и знанием дела. Сначала подложил под каждое сиденье по шашке динамита, потом соединил шашки проводами, подключил взрыватель замедленного действия, а теперь настраивал часовой механизм.

Как вдруг к кабаре подрулил кортеж из трех автомобилей. На них развевались флажки России.

Бранко сплюнул и спрятал часовой механизм.

Из первой машины выбежал характерный молодой человек в штатском, распахнул дверцу второй машины, и оттуда появился могучий мужчина в костюме, типичный оппортунист и ренегат, предавший родную партию, чтобы служить новым властям.

Это был посол России во Франции.

Увидев Бранко, он спросил по-французски:

– Мсье, русские атлеты здесь?

– Здесь, – с вызовом сказал Бранко по-русски. – Только они не атлеты, а сыщики.

– Сыщики? – удивился посол. – А мне говорили, что они направлены комитетом по культуре... Вы член делегации?

– В некотором роде, – ответил Бранко.

– Чем занимаетесь?

– Массажист, – лаконично ответил Бранко.

– А-а... Ну, массируйте, массируйте! – Посол приветственно взмахнул рукой и проследовал в кабаре в сопровождении трех атташе.

Бранко задумчиво посмотрел на посольские машины.

«Взорвать, что ли, за компанию?» – подумал он. Но подумав, решил, что Перес по головке не погладит. Слишком громкая акция. Успеется.

А посольские атташе уже объяснялись со служителями. Вызванный ими, появился Перес, который, конечно же, не стал демонстрировать знание русского языка, объяснялся через переводчика.

Посол заявил, что только что в горячих новостях телевидения передали репортаж с форума боди-реслинга, интервью с Иваном, репортаж с улиц Парижа, из которого посол понял, что празднование победы происходит в кабаре «Донья Исидора». Посол сказал, что он поспешил сюда не только как посол, но и как бывший борец классического стиля, чемпион Европы 1962-го года.

– Очень приятно, – хмуро сказал Перес. – Проходите, они здесь. Донья Исидора, хозяйка кабаре, примет вас после выступления.

Посол восол в зал.

То есть пошел вошел в зал.

Атташе расчищали ему дорогу в темноте, расшвыривая попадавшийся под руку негритянский сброд.

Посол надвинулся на столик русских и протянул обе руки к Ивану.

– Господин Середа, от имени и по поручению правительства Российской Федерации... Позволь, Иван, я тебя поцелую как бывший борец!

– Кто это? – шепотом спросил Иван.

– Не бойсь, Ваня, это посол России! Мы с ним знакомы, – объяснил пьяный Заблудский.

Посол стиснул Ивана в своих могучих объятиях, которые были не слабее объятий Бузатти.

– У-у, конспираторы! – шумел он. – Прикидывались овечками! Комитет по культуре! Видна омоновская хватка, видна!

– Ну, все... Засветились окончательно... – махнул рукой вернувшийся к столу Вадим.

– А это кто? Товарищи по команде? Алексей, вижу! Поздравляю! Рука до свадьбы заживет... – Посол пожал здоровую руку Алексею, познакомился с Вадимом и Ольгой.

После чего было самое время выпить. Посол опрокинул фужер виски и уселся за стол так прочно, что все поняли – это надолго.

– А эти молодые люди кто? – спросил он Пенкину, указывая на Максима и Федора.

– Художники. Друзья детства, – ответила Ольга.

– Эмигранты?

– Нет, командировочные.

Посол чокнулся с мафией, опрокинул еще один фужер. Пил он профессионально, одним глотком. Атташе за соседним столиком тоже не теряли времени даром.

Бранко появился в зале, взглянул на компанию. Он не знал, на какое время ставить часовой механизм.

К нему вышел Максим, они о чем-то посоветовались. Бранко удалился.

А Максим снова отправился в ставку верховного главнокомандования, чтобы уточнить время, когда старику взрывать. Здесь не могло быть неопределенности.

Максим зашел в кабинет Переса и застал там семейный скандал шефа и доньи. Исидора сидела в кресле в чем мать родила, не успела еще одеться, а склонившийся над нею Перес орал:

– Ментам продалась, сука!

– Пардон, я не помешал? – вежливо осведомился Максим.

– Пожалуйста, заходите, – кивнул Перес и продолжал донимать донью: – Мы должны уничтожить их, а ты целуешь им руки!

– Нет им! Один Иван! – защищалась Исидора.

– Нехорошо, донья... – мягко заметил Максим.

- Клянусь Христом... – продолжал Перес, но донья, вскочив на ноги, перебила его.
- Не клянись Христос! Он любить людей!
- Ты предлагаешь мне любить ментов? – опешил Перес.
- Христос любить ментов. Он всех любить... Этот мальчик имеет чистый глаз, – с волнением проговорила донья.
- Этот мальчик, не задумываясь, сдаст тебя Интерполу. Он для этого сюда приехал, – не сдавался Перес.
- Отдай мента Исидора, – сказала она.
- Ты что... любишь его? – дрогнувшим голосом спросил Перес.
- Да! Да! Да! – взорвалась она. – Я ненавижу стриптиз! Кабаре! Париж! Я не хочу деньги, я хочу любовь!
- Фу-ты, ну-ты... – сказал Максим.
- Донья поспешно натянула трусики и бросилась прочь из кабинета, размахивая лифчиком, как флажком. Перес, зарывав от ярости, устремился за ней.
- Взрыв откладывался на неопределенное время.
- Максим вернулся к «тойоте», рядом с которой томился Бранко, и предупредил старика, что сам даст знак. Бранко должен поставить взрыватель на пять минут позже этого знака.
- А какой будет знак? – спросил любивший точность Бранко.
- Я хлопну пробкой шампанского, – сказал Максим.
- Хорошо, комиссар, – кивнул Бранко.

Глава 25

Карнавал

Исидора снова появилась на эстраде – на этот раз в белом вечернем платье с глухим воротом и в широкополой шляпе с пером.

– Дамы и господа! – обратилась она к гостям по-французски. – Сегодня к нам пришли самые сильные люди России. Их зовут Иван, Вадим и Алексей. В честь моих русских друзей я объявляю карнавал!

Она сошла в зал и вывела на сцену слегка упиравшихся агентов Интерпола и Алексея Заблудского.

Засверкали вспышки фотокамер. Музыканты заиграли бешеную самбу – и донья, подбрав юбку, пустилась в пляс, тряся подолом перед собой.

Алексей был уже очень хорош, поэтому он без колебаний поддержал донью. Плясал дерзко и четко, как грифельный карандаш. Вадим делал финты руками, как фокусник. Иван неумело топтался на месте.

Исидора за руки потянула мужчин с эстрады в зал, на танцплощадку, где уже извивались темнокожие и русский посол с тремя атташе.

За столиком русских гостей остались Ольга и Федор. Ольга пригорюнилась, глядя на танцующих. Федор выпил очередной фужер виски и галантно обратился к даме:

- Вы позволите потанцевать с вами?
- С бандитами не танцую, – сказала она.

Федор обиделся:

- Просидишь здесь весь карнавал. Мужиков твоих уже увели. Пойдем!

Ольга покорила обстоятельствам.

Вадиму удалось в одиночку завладеть Исидорой. Он обхватил ее за талию, пылко прижал к себе, и они закружились в вихре танца. Иван облегченно вздохнул и потихоньку ретировался с танцплощадки.

Он вернулся за пустой столик и загрустил. Поискал глазами Ольгу и увидел, что она танцует с Федором, положив руки на его могучие плечи. Алексей рядом плясал сразу с двумя негритянками. А может, у него двоилось.

Перес появился в зале. Он был мрачен как туча. Рядом сразу же возник Максим.

– Донт ворри, дон, – сказал он. – Пусть напляшутся перед смертью. Бранко уже начинил машину взрывчаткой. Я команду парадом.

– А ты мне нравишься, парень. – Перес положил руку на плечо Максиму. – Давай выпьем.

Тут же возник официант с подносом, Перес и Максим взяли по бокалу. Максим обнял Переса, увел к стойке, не переставая бдительно наблюдать за событиями на танцплощадке и за столиками.

Федор потерял в толпе танцующих Ольгу и нашел другую женщину. Потом выяснилось, что это переодетый женщиной гомик, клюнувший на великолепные физические данные Федора. А Ольга вернулась за столик к Ивану и уселась рядом. Иван закусывал.

– Ванечка, ты бы вилочку в левую руку взял, – жалостно проговорила Ольга, охваченная внезапно вспыхнувшим к Ивану чувством.

– Откуда же знать... – смутился он.

– Ничего, привыкнешь. Небось первый раз в Европе...

– Я тебя что хотел спросить, – начал Иван. – Вот ты обо мне в газету пишешь...

– Пишу, Ваня.

– Не позоришь?

– Что ты! Ты у меня герой, – с любовью сказала она.

– А Вадим?

– И Вадим.

Иван придвинулся к ней, жарко зашептал в ухо:

– Ты не смотри, что я деревенский. Я еще кое-кому фитиль вставлю!

– Да ты уже вставил, Ваня, – сказала она, намекая на Бузатти.

Иван почему-то покраснел.

– Нет, еще нет...

– А я тоже деревенская, Вань, – призналась она. – В Париже хорошо, а в Будогощи получше будет.

– В Рязани была? – спросил он. – Лучший город.

Донья Исидора наконец оторвалась от Вадима, буквально отпихнула его от себя и, поискав глазами Ивана, направилась к нему.

– Вания, дансинг, Вания! – блестя своими огромными, чуть раскосыми черными глазами, пригласила она Ивана.

Лейтенант не мог отказать.

Донья закружила его, увлекая все дальше от столика, к эстраде. Там, улучив момент, она юркнула за кулисы, потянув Ивана за руку, и они оба скрылись из глаз.

Максим краем глаза следил за ними, успевая отвлекать внимание Переса. Увидев, что пара исчезла, Максим сказал шефу:

– Пойду проверю динамит.

– О'кей, – благодушно кивнул Перес.

Максим бросился к кабинету хозяина.

Когда он отворил дверь, донья уже успела стянуть с себя левую половину платья, правой же рукою раздевала упавшего Ивана.

– Позвольте, мэ, я помогу, – галантно бросился на помощь Максим.

Он стянул с доньи вторую половину платья, оставив ее в трусиках и в лифчике, и они вдвоем, в четыре руки, принялись расстегивать на Иване брюки и рубашку.

– Что вы делаете, товарищи?.. – шептал обескураженный лейтенант.

– Иван, неудобно отказывать хозяйке. Будь умницей, – тяжело дыша, приговаривал Максим.

Когда на Иване осталась лишь его чемпионская форма – сатиновые трусы и черные носки – Максим вежливо покинул апартаменты, не забыв вынести за дверь одежду Ивана.

Далее он действовал точно и хладнокровно.

Первым делом Максим извлек из кармана брюк чек на миллион долларов и спрятал его за подкладку берета. Одежду Ивана бросил на пол перед дверью. Затем быстрым шагом вернулся в зал, подошел к стойке и тронул Переса за плечо.

– Шеф, донья изволит отдаваться менту.

– Где?! – взревел Перес.

– В вашем кабинете, шеф.

Переса ветром сдуло от стойки. Круша все на своем пути, дон полетел за кулисы. А Максим направился к столику, где одиноко сидела Ольга. Плехнувшись на стол рядом с нею, он потянулся к бутылке шампанского, стал неторопливо сдирать серебряную фольгу с пробки.

За его действиями жадно следил от дверей кабаре Бранко Синицын.

– Вот мы тут сидим, – лениво начал Максим, – а Иван с Исидорой, между прочим, трахаются.

– Где?! – подскочила Ольга.

– Там, – указал он за кулисы.

Ольга вихрем помчалась к эстраде. Увидев ее порыв, за нею побежали Вадим с Алексеем.

А Максим открутил проволоку на пробке, отставил горлышко в сторону и произвел эффектный салют с обильной пеной, которая залила плясавших поблизости атташе. Это был единственный неосторожный жест в цепи продуманных действий, ибо атташе тренированно скрутили Максима и принялись мять ему бока. Максим уворачивался, придерживая на голове драгоценный берет.

Но дело было уже сделано. Бранко Синицын увидел выстрел шампанского, удовлетворенно прикрыл глаза и ушел взводить адскую машину.

Глава 26

Погоня

Схватка с доньей была посерьезнее поединка с Бузатти. Глаза не выдавишь. Все-таки женщина. Иван оборонялся как мог, но донье удалось-таки стянуть с него один носок, и теперь последним оплотом Ивана были трусы, которые оказались на редкость прочны. Донья буквально повисла на них, а Иван, вцепившись обеими руками в резинку, медленно отступал к двери, волоча донью по полу за собой.

– Я любить тебя... – твердила она. – Почему ты не хочешь?

– Я хотеть... Потом... Не здесь... – тяжело выговаривал чемпион по реслингу.

Трусы угрожающе затрещали.

– У-у, сука! – взвыл Иван и тут же получил от доньи оплеуху.

Она отпустила трусы и принялась избивать Ивана, а он только прикрывался руками, пока ему не удалось задом открыть дверь.

За дверью стоял Перес в черном сомбреро.

Иван успел нагнуться, и кулак Переса просвистел над его головой. Зато Исидора не успела, и следующий взмах руки Переса поразил ее.

Иван выскочил в коридор, подобрал свою одежду, но тут же был сражен прямым ударом в подбородок, который нанесла ему подоспевшая Пенкина.

– Оленька... – прошептал он, падая.

– Я тебе дам – Оленька! Падло мохнатое! – Она была прекрасна в своем гневе.

Иван, прижимая одежду к груди, в одном носке, бросился по коридору. Ольга за ним. Следом бежала Исиidora, которой удалось увернуться от обезумевшего любовника.

По дороге им встретились Вадим и Алексей.

– Вы куда, ребята? – спросил Заблудский.

Ответа не последовало, поэтому соратники поспешили следом.

Перес в это время бешено выдвигал ящики письменного стола, ища револьвер.

– Всех пристрелю, как собак! – рычал он.

Наконец, пистолет был найден, Перес произвел устрашающий выстрел в потолок и бросился в погоню за беглецами.

В зале продолжалось веселье, гремела самба. На танцплощадке три русских атташе избивали Максима, Федор избивал обнаружившего себя неосторожными приставаниями гомика, за компанию дрались еще несколько пуэртиканцев и негров.

Карнавал был в разгаре.

Внезапно из-за кулис эстрады вылетел Иван в порванных трусах и в одном носке. Он почему-то прихрамывал. За ним, размахивая вырванной у мексиканского трио гитарой, мчалась Ольга, следом выскочили мало что понимающие Вадим и Алексей, а последней – Исиidora в одном нижнем белье. Они проследовали к выходу, путаясь в дерущихся.

Паля из пистолета, показался Перес.

– Ложись! – заорал он, размахивая револьвером.

Но лег на пол один посол. Остальные продолжали биться, кое-кто танцевал.

Атташе отбросили Максима, который облегченно упал на пол, обеими руками прижимая к голове берет. Расстановка сил была ясна для атташе. Гнали за русскими, значит, нужно было их защищать.

Атташе набросились на Переса. Один тренированным ударом выбил у него из рук револьвер, двое других повалили на пол. На помощь хозяину бросились служащие, человек пять. В центре танцплощадки произошла грандиозная свалка.

А убежавшие выскочили на Елисейские Поля, где их почтительно встретил Бранко. Он протянул Ивану ключи от «тойоты», но подоспевшая Исиidora оттолкнула руку старика.

– Вания, я есть ехать с тобой. Мой кар! – Она указала на джип «шевроле», стоявший рядом. – Перес убить меня! Вания!

– На кой она нам! – вскричал Вадим. – Ее только нам не хватало.

– Так ведь убьют женщину, Вадим, – заступился за нее Иван.

– Так ей и надо! – крикнула Ольга, замахиваясь на донью гитарой.

– Ребята, потом разберемся, – миролюбиво проговорил Заблудский, отворяя дверцы джипа. – Кто поведет?

– Я драйвер! – объявила донья, садясь за руль.

Алексей уселся рядом с ней, остальные сзади. Иван принялся неловко натягивать брюки, извиваясь всем телом.

– Оля, ей-Богу... – шептал он. – Ничего не было.

Джип с ревом отвалил от дверей кабаре, оставив на тротуаре брошенную гитару и рядом старика Бранко в полном недоумении. Синицын вертел в руках ключи от «тойоты», раздумывая, что делать с ними дальше, ибо из пяти оставшихся до взрыва минут прошли уже две.

Его раздумья прервал выскочивший из кабаре Перес.

– Где они?! – взревел он.

– Уехали, господин, – Бранко указал на скрывающийся за поворотом джип.

Перес прорычал что-то, выхватил у Бранко ключи, прыгнул в «тойоту» и помчался следом за неверной доньей.

Бранко посмотрел на часы и перекрестился.

Визжали тормоза, машины неслись по улицам ночного Парижа.

Донья вела машину на дьявольской скорости, с ненавистью взглядывая в зеркало заднего вида, где уже виднелись огни преследующей их «тойоты».

– Он думать, я есть его вещь! Кабаре мой имени! Публикум смотреть меня! – не переставая восклицала она. – Христос посылать мне Ванию!

– Христос и министерство внутренних дел, – уточнил Вадим.

– О, как он надоедлив для мой! – вскричала донья. – Вы должны знать. Он не есть испанец, нет. Он есть еврей Одессы. О-о, чтоб тебя разорвать! – воздела она глаза к небу.

Сзади прогремел взрыв. «тойота» разлетелась на куски, вечернюю улицу заволокло дымом.

– Мадам, его разорвало, – сообщил Вадим.

– Мой Бог! Я не думать, что это есть так буквально, – сказала донья.

Глава 26

Инструктор Интерпола

Уже когда подъезжали к отелю «Коммодор», Ивана как громом поразила догадка.

– А ведь этот взрыв для нас предназначался, Вадим. Мы ведь должны были на «тойоте» уехать.

– В самом деле... Мне в голову не пришло, – признался Вадим.

– Бранко. Его почерк, – приподнял голову дремавший Заблудский.

Донья затормозила на бульваре Осман. Была глубокая ночь. Лишь одно окно светилося в отеле. Это было окно номера, который занимали агенты Интерпола.

Вадим первым обратил на это внимание.

– Стоп! Туда нельзя. Там засада.

– Люди Переса, – кивнула донья. – Надо звонить полис.

Примчавшийся через три минуты на желтом джипе полицейский патруль обнаружил под окнами отеля группу из трех мужчин и двух женщин, одна из которых была в кружевных трусах и лифчике. Правда, на ее плечи был наброшен пиджак. Это был пиджак Алексея производства швейного объединения «Пролетарский труд».

Смотрелся он на донье великолепно.

Пятеро полицейских, сопровождаемые потерпевшими, ворвались на второй этаж и вышибли дверь ногой.

В номере на кресле, вытянув длинные ноги, дремал рослый детина с трехдневной щетиной на подбородке, иссеченном шрамами. Услышав шум, он открыл глаза.

– Что случилось? – недовольно спросил он по-английски.

Однако полицейские вместо того, чтобы скрутить злоумышленника, почтительно вытянулись и взяли под козырек.

– Прошу прощения, капитан. Мы не знали... – подобострастно проговорил полицейский офицер. – Сорри. Экскьюз ми.

Обернувшись к Вадиму, полицейский прошипел тихо:

– Это капитан Маккензи из Интерпола! Предупреждать надо!

После чего полицейские хотели быстро ретироваться, но Маккензи остановил их жестом.

– Стойте, парни. Сдается мне, что вам придется прихватить с собою эту дамочку. – Он указал на донью. – Только я сначала перекинусь с нею парой фраз.

Капитан встал, оказавшись ростом за шесть футов и косой сажени в плечах. В сантиметрах тоже довольно много. Он не спеша закурил, явно подражая Шварценеггеру в каком-то кинофильме (потом оказалось, что это Шварценеггер подражал ему, ибо Маккензи был консультантом на том фильме), и подошел к русским.

– Капитан Джеральд Маккензи. – Он протянул руку Вадиму, потом Ивану и Алексею. – Мне поручено руководить вашей стажировкой.

Он сделал паузу, видимо, вспоминая что-то, потом добавил по-русски с акцентом:

– Ебена мать.

Французские полицейские расплылись в улыбке. Им явно нравилась эта холодная бесстрастная манера супермена.

Маккензи хлопнул Ивана по плечу.

– Ты здорово работал на ринге. Поздравляю. Много денег, ебена мать. Надеюсь, ты положил чек в банковский сейф?

Иван понял по интонации, что его о чем-то спрашивают и вопросительно взглянул на друзей.

Заблудский перевел.

– Нет, чек при мне, – ответил Иван.

– Он не при тебе. Ты ошибаешься, парень. – Маккензи помахал перед носом Ивана пальцем. – Если ты шатался с ним по Парижу больше часа, он уже не может быть при тебе. Или ты не можешь быть жив. Одно из двух, ебена мать.

Иван выслушал перевод и полез в карман.

– Да вот же... – и осекся.

Чека не было!

– И вправду... – пробормотал он.

– Не финти, лейтенант! – взвился Вадим. – Куда дел миллион?! Не хочешь делиться?!

Маккензи уже все понял. Он подошел к Исидоре, указательным пальцем приподнял ее подбородок. Исидора взглянула на него томно, как кролик на удава.

– Капитан, это наша подруга, – сказал Вадим, не привыкший к такому обращению с дамами.

– Смирно стоять! – сквозь зубы приказал капитан. – Я сделаю из вас настоящих полицейских. Распустились там, в России.

И снова добавил те же два слова по-русски.

Русские офицеры и Заблудский вытянули руки по швам. Маккензи продолжил разговор с доньей.

– Исидора, ты знаешь меня двадцать лет, с тех пор как ты занималась проституцией в пуэрториканских кварталах Нью-Йорка. Меня когда-нибудь подводил нюх? Зачем ты вертишься вокруг наших стажеров? И где миллион этого парня?

– Иван, не верь этот человек! Это был белый квартал! Я не есть брат твой миллион! – пылко воскликнула донья, и совершенно зря, потому что Иван не понял ни слова из английской речи Маккензи. – Я уже другая, – добавила она по-английски.

– Чепуха! Человек таков, каким создал его Бог. А тебя он создал проституткой, – возразил капитан.

– Что они говорят? – тихо спросил Иван.

– О Боге разговаривают, – пояснил Заблудский.

– За что вы хотите арестовать меня сейчас? – вызывающе спросила Исидора.

– Пока что – за оскорбление общественной нравственности, – указал капитан на одеяние Исидоры. – Если за тобой ничего нет и ты не брала миллион у этого парня, через три часа тебя отпустят. Увести! – сделал он знак полицейским.

Исидору увели.

– Вания, я найду тебя! – донесся из коридора ее крик.

– Ты лучше миллион найди, – процедил сквозь зубы Вадим.

Потеря миллиона оглушила всех. Каждый уже успел построить какие-то планы, мысленно истратил хотя бы пару сотен долларов... И вот все рухнуло.

Капитан обернулся к своим подопечным. В этот момент Ольга ослепила его вспышкой. Маккензи поморщился.

– Фотографирование агентов Интерпола запрещено. Негатив сдашь мне, – сказал он Ольге и, оглядев парней, продолжил с расстановкой: – А теперь ровно на две недели вы забудете маму, папу, Россию и вашу Коммунистическую партию. Я один буду вам папой, мамой, Россией и Коммунистической партией. Ебена мать!

Глава 28

Сукин кот

Донья вернулась в кабаре под утро, – продрогшая, поникшая, осипшая. На ней была пижама, выданная ей под расписку в полиции. «Сукины дети! – думала она обо всех сразу. – Надо же так ловко упереть миллион. Кто это сделал?»

Она вошла в кабаре. Портье спал на рабочем месте. На танцплощадке два пьяных в стельку негра продолжали вяло мутузить друг друга. В углу ресторана догуливало мексиканское трио Фриш, Левинский и Семенов.

Донья подошла к музыкантам. Они попытались встать, но смог это сделать только интеллигентный Фриш.

– Мадам, примите наши соболезнования... – сказал он и жестом пригласил донью к столу.

– А что случилось? – спросила Исидора, садясь и наливая себе мартини.

– Дон Перес взорван, мадам. Вы не знали?

– А-а, это... И серьезно?

– Он в реанимации, в частной клинике своего друга.

– Я знаю эту клинику. Дон Перес часто там лечится от алкоголизма.

Она выпила, закурила.

«Кто? Кто?» – вертелось у нее в голове.

Перес отпадал. Он не стал бы красть, скорее бы убил Ивана, если бы узнал о миллионе. Бранко... Тоже не вор, взрывник... Но в зале была еще куча людей, многие из которых смотрели форум по телевизору и видели награждение Ивана. Каждый из них мог похитить чек. Исидора знала эту публику.

Где он держал чек? Исидора вспомнила, как был одет Иван. Футболка с короткими рукавами и надписью «Динамо», джинсы, кроссовки. Чек мог быть в одном из карманов джинсов. Но у этих брюк, как известно, очень узкие обтягивающие карманы. Так просто из них ничего не вынешь. Снимал ли Иван брюки?.. И вдруг в памяти ее всплыла картина: Максим в бархатной куртке и в берете, прижимая к груди одежду Ивана, пятится из кабинета...

– У-у, сукин кот! – воскликнула донья, отчего Фриш побледнел, а остальные протрезвели.

– Вы нам, мадам? – пролепетал Фриш.

Исидора не ответила, она ткнула сигарету в пепельницу и решительным шагом направилась в апартаменты Переса.

При кабаре были жилые помещения: квартира Переса, где он жил с Исидорой, и еще несколько гостевых комнат, где принимали партнеров из разных стран мира. Две из них сейчас занимали Максим и Федор.

Исидора нашла комнату Максима и попыталась открыть дверь. Она была заперта.

– Максим... – тихо позвала она.

За дверь послышалось шевеление, потом сонный голос Максима спросил:

– Кто там?

– Это я, Исидора...

Дверь приотворилась, Максим выглянул. Был он в башмаках, брюках, бархатной куртке и берете.

– Ты не спишь? – удивилась она.

– Сплю. Что надо, донья?

– Почему ты есть одет?

– Привычка спать одетым. С детства... Я вас слушаю.

– Может быть, ты приглашать даму в комнату? – возмутилась Исидора.

Максим нехотя посторонился и пропустил Исидору к себе. Донья поняла, что у нее есть только один шанс, и нужно немедленно ошеломить партнера.

Она повернулась к Максиму и бросилась ему на шею.

– Я не люблю Иван. Я люблю Максим! Ты снимать с меня платье, твоя рука настоящий тореро. О, как я хочу тебя!

– Ну, вы даете, донья... – оторопел Максим.

– Да! Да! Даю! Тебе – даю! – жарко зашептала она.

Она профессиональным движением запустила ему руку под ремень брюк. Максим вскрикнул от неожиданности.

– Тихо, мальчик... – проворковала Исидора. – Ты разбудишь стража...

– Какую, на хуй, стражу... Сколько времени? – пытался сопротивляться он.

– Время – ночь. Наша ночь. – Она засмеялась грудным смехом, увлекая Максима на кровать.

– А Перес? – выложил последний козырь Максим.

– Перес – реанимация. Доктор сказать: Перес оторвать член. Орган мужской пол, – безбожно врала она, а может, говорила правду, поскольку не обладала решительно никакой информацией – что именно было оторвано у Переса.

Она зря это сказала. Это был явный перебор. На мужчину с воображением такое сообщение действует угнетающе. А Максим в прошлом был литературоведом.

– У Хемингуэя есть такая история. Называется «Фиеста», – попытался он повернуть разговор в литературное русло.

– Да! Да! Фиеста! Нас с тобой – фиеста! Ты мой замена Перес. Мы не оставлять его, кормить, поить, одевать. Но он не есть больше мужчина. А ты... О-о... Твоя рука... – Исидора что-то расстегивала, отвинчивала, развязывала. Короче говоря, демонтировала одежду Максима.

Он нехотя, скорее механически стал снимать с нее пижаму.

Это возбудило донью до такой степени, что она стала срывать одеяние Максима с нечеловеческой силой. Бархатная куртка и брюки трескали по швам, кровать угрожающе скрипела.

Через минуту на Максиме остался один берет, а на донье – перстень и серьги.

Исидора попыталась сорвать берет с Максима, но он уцепился за него обеими руками и натянул до ушей.

– Я привык в берете, – сказал он.

«Чек там», – отметила донья про себя.

– Где твой кондом? – спросила она.

– Что? А-а... – вспомнил он слово. – У меня нет кондома. Мы обычно так...

– Тогда иди прими душ.

Максим послушно направился в ванную. Берета не снял. Из ванной донесся шум воды, через пять минут Максим возвратился сильно посвежевший. Но в берете.

«Сукин кот!» – подумала донья.

Она уже успела продумать программу и сразу же обрушила на Максима всю мощь своего темперамента и профессионализма.

Вероятно, это был самый дорогостоящий половой акт в истории. На кону стоял миллион долларов. Один партнер должен был получить его, а второй – потерять.

Программа Исидоры состояла из так называемого «Большого каскада», который обычно применяется проститутками Нью-Йорка с клиентами на полную ночь, кроме того, имеющими справку от врача об отсутствии сердечно-сосудистых заболеваний. «Большой каскад» включает семь приемов и позиций, располагаемых в строгой последовательности:

1. Айс-крим.
2. Сингапурские ночи.
3. Силвер спун.
4. Чарли тянет за хвост кобылку.
5. Дабл айс-крим.
6. Мэджик имеджин.
7. Родео.

Варьируется лишь продолжительность отдельных упражнений. Каскад составлен с таким расчетом, чтобы оргазм наступал каждую нечетную позицию, кроме первой, а последний сопровождался обмороком.

Собственно, обморок партнера и был конечной целью Исидоры, но для этого Максима предстояло буквально силком проволочь сквозь три оргазма. Вдобавок решить проблему берета.

Максим был подготовлен из рук вон плохо. Пытался применять какие-то дедовские приемы и все время удивленно восклицал:

– Ну, ты даешь!

Но вскоре уже не мог ни на что отвлекаться, работал, как каторжник на урановых копях.

«Серебряная ложка» удалась партнерам неплохо, с «двойным мороженым» пришлось повозиться, а к «родео» партнер был выжат как лимон и скакал на необъезженном мустанге в полубоморочном состоянии.

Донья работала классно. Она создала такой ритм, что берет потихоньку сползал с головы, а у партнера не было времени или сил его поправить. Последние такты родео довершили дело: оргазм совпал со срывом берета с головы и его падением на пол. После чего Максим провалился в глубокий обморок.

Донья выбралась из-под бесчувственного тела партнера, как вылезает из-под обломков рухнувшего дома. Она по опыту знала: у нее есть гарантированные пять минут. Может быть, больше.

Она подняла берет и сразу нащупала под подкладкой чек. Глаза Исидоры сверкнули. Подкладка была тщательно зашита, но Исидора одним движением острого ногтя разрежала нить, вытянула ее и достала из-под подкладки чек в полиэтиленовом пакете.

Половина дела была сделана. Осталось совсем немного. Донья нашла на столе нитку и иголку – те самые, с помощью которых Максим пытался замести следы – изготовила бумажку по размеру чека, на которой написала печатными буквами по-русски: «СУКИН КОТ».

Она упаковала записку в прозрачный пакетик и спрятала в берет. После чего аккуратно зашила. На все это ушло три с половиной минуты. Затем донья спрятала чек под простыню и улеглась рядом с Максимом, предварительно натянув ему берет на голову.

У нее осталось еще время подумать, как поступить с чеком. Исидора решила пока Ивану не отдавать, он такой доверчивый, непременно где-нибудь посеет. «Будет возвращаться домой, отдам», решила донья. А может быть, судьба соединит их... Но об этом она даже не решалась думать.

Максим очнулся лишь через восемь минут. Он с ужасом посмотрел на донью, сполз с кровати и, придерживая берет, уполз в ванную.

Его не было полчаса. Когда он вернулся, Исидора, уже в пижаме, с чеком за лифчиком, разговаривала по телефону. Точнее, имитировала разговор.

– Да, это большая удача. Я очень рада... Невероятное везение! Спасибо, доктор! – говорила она по-французски.

Потом положила трубку.

– Я очень жалеть, но доктор пришивать мужеский орган Перес. Нам ждать другой раз. Другой взрыв.

– Бедный Перес... – промолвил Максим.

Глава 29

Стажировка

Иногда Ольге казалось, что она уже год живет в Париже, хотя не прошло и месяца. Она уже изучила все окрестные магазины вокруг отеля, регулярно ходила на рынок, закупала продукты, вела хозяйство. На ее попечении была вся группа стажеров, включая Заблудского, которому продлили визу на три месяца по ходатайству Интерпола. С помощью русского посла продлили визу и Ольге, все понимали, что без женской заботы ребята долго не протянут. Накормить надо, обстирать, сказать ласковое слово.

Кроме того, Пенкина практически содержала группу. После того как несколько крупнейших газет опубликовали ее фотографию, на которой Иван пяткой в черном носке крушил в прыжке челюсть Бузатти, нет-нет да и удавалось пристроить репортажные кадры. За них хорошо платили, больше, чем получали стажеры.

Приз зрительских симпатий в десять тысяч франков проели довольно быстро. Оплата отеля пожирала кучу денег, питание тоже было недешево, да и выпить после работы надо. Дешевый кальвадос опротивел, иной раз раскошеливались на джин или водку.

О потере миллиона никто не вспоминал. Запретная тема. Зачем сыпать соль на рану?

Короче говоря, наступили суровые парижские будни. Ребята работали на совесть, в особенности Алексей, в котором проснулся детективный талант.

Сначала его записали в группу стажеров по недосмотру Маккензи. Капитан забыл, сколько должно приехать стажеров из России – два, три?.. Но к тому моменту, когда ошибка обнаружилась, Алексей произвел фурор в Интерполе своим умением распознавать наркотики по запаху лучше любой розыскной собаки. Он сам не знал, как это делает, но когда ему предлагали пакетики с двадцатью видами наркотиков – от анаши до героина, он безошибочно отличал один от другого и мог сказать, где какой.

Капитан Джеральд Маккензи не давал спуска. Каждое утро он вывозил агентов на полигон Интерпола в двадцати километрах от Парижа, где и происходило обучение.

Оно включало традиционные предметы: стрельбу, восточные единоборства, вождение автомобиля в экстремальных условиях, радиodelo, а также нетрадиционные для милицейских школ дисциплины: работу с ядами, наркотиками и валютой различных стран. И если лейтенант Середа отлично справлялся с силовыми предметами, то капитан Богоявленский не знал себе равных в работе с ядами и, в особенности, с валютой.

Работа с ядами включала в себя приготовление различных ядов и противоядий от них. Обычно, когда наступало время ядов, капитан Маккензи приводил стажеров в лабораторию и, указав на шкаф с химикалиями, предлагал парням приготовить какой-нибудь сильнодействующий яд. Это занимало от десяти минут до часу, после чего приступали к испытаниям.

Испытания состояли в проверке яда на товарищах. Допустим, Вадим изготавливал смесь цианистого калия с мышьяком и хотел попробовать этот состав на Иване. Он обязан был сообщить Ивану химическую формулу своего яда, Иван же готовил противоядие. Далее Иван выпивал стаканчик изготовленного коллегой снадобья и запивал своим противоядием. Если он правильно угадывал состав противоядия, то получал зачет по этому яду и коллеги менялись

местами. Теперь уже Вадим заглатывал стаканчик сулемы, настоящей на кураре, и запивал своим лекарством.

В случае незачета в дело вступала реанимационная бригада, дежурившая наготове. Откачивали довольно быстро, за сутки. Надо признать, что такой метод обучения был весьма эффективен.

Стреляли тоже в основном не по мишеням, а друг по другу. Это вырабатывало хороший спортивный азарт. Ну, естественно, применяли бронежилеты и по незащищенным местам тела старались не стрелять, берегли товарища.

Нечего и говорить, что восточные единоборства тоже проходили по этому канону, так что на знаменитой пятке Ивана, поразившей Бузатти, вскоре образовалась мозоль от бесчисленных ударов по телам и головам коллег. Ивану тоже доставалось. Даже Алексей вскоре вполне уверенно мог отправить в бессознанию долговязого Вадима, нанеся ему удар в живот или висок. Но относились к этому с юмором, по-дружески.

После таких упражнений настоящим кайфом был урок по наркотикам, где стажеры дегустировали тот или иной вид, стараясь как можно лучше изучить симптомы наркотического опьянения и последующей ломки. Потом на досуге рассказывали друг другу галлюцинации. У Алексея все они были эротического свойства. Он купил журнал «Блиц», где на каждой странице было огромное цветное фото модели в завлекательной позе, и во время галлюцинаций трахал их страницу за страницей.

Понятно, что такие нагрузки не могли не сказаться. В отель «Коммодор» возвращались выжатые, как лимоны, если не были в реанимации после неудачного зачета по ядам. Но таких случаев было всего четыре. Дважды откачивали Ивана после того, как Вадим пробовал на нем сложные смеси цианидов, по одному – Вадима и Алексея, удачно отравленных тем же Иваном. А мелкие огнестрельные ранения даже не считали.

Донимал своей взрывной деятельностью Бранко Синицын. Он повадился посылать Ивану подарки якобы от поклонников боди-реслинга, перевязанные цветной ленточкой, с трогательной надписью по-русски: «Иванушке Середе от любящей Зины (Наташи, Насти и т. п.)». Иван едва не прокололся на первой посылке: сердце зыграло, хотел сразу вскрыть, но бдительный Вадим сдал посылку Маккензи, тот проверил ее на просвет рентгеном и обнаружил мину. В дальнейшем эти посылки прихватывали с собою на полигон и там взрывали в минуты отдыха.

К концу второй недели стажеры чувствовали себя в такой физической и моральной кондиции, что могли втроем выйти против всей сицилийской мафии, а также тюменской и казанской группировок. А Вадим мог на ощупь, с завязанными глазами, отличить стодолларовую банкноту выпуска восемьдесят пятого года от банкноты восемьдесят шестого.

На время забыли о каких-либо личных отношениях, любовях, дружбах, обидах. Стажировка поглощала все силы. Вдобавок – непрерывная изжога от ядов и синяки от восточных единоборств.

Ольга оказалась настоящей боевой подругой, выслушивала рассказы, кто кого подстрелил или отравил, давала дельные советы. И люто ненавидела капитана Джеральда Маккензи за то, что тот измывается над парнями. Маккензи не скрывал, что обычный процент выживаемости стажеров после двухнедельного курса – тридцать три процента. То есть, согласно статистике, уцелеть должен был один. Но проходил день за днем, а все были живы и почти здоровы. Маккензи начал нервничать, увеличил нагрузки и даже предлагал отказаться от бронежилетов при стрельбе, но предложение не встретило поддержки руководства Интерпола.

Последние дни жили как на иголках. Готовились к выпускному экзамену, где экзаменовывать их должен был лично Джеральд Маккензи. То есть лично он в течение одного дня должен будет травить, стрелять, колотить стажеров, причем за летальный исход экзаменов ответственности нести не будет, ибо каждый стажер давал перед экзаменом подписку: «В моей смерти на экзамене прошу винить меня самого».

Конечно, Маккензи был заинтересован в том, чтобы Интерпол получил новых специалистов, но при таком высоком проценте выживаемости, который демонстрировали русские ребята, вполне мог себе позволить на экзамене угробить хотя бы одного. В этом как-то не сомневались. Алексей, и не без оснований, полагал, что провалится именно он, опять заготовил письмо маме и часто ходил в православную церковь, которая находилась неподалеку.

Между прочим, познакомился там со скромной прихожанкой Анютой. Их роман развивался стремительно, несколько дней Заблудский галлюцинировал Анютой во время наркотических уроков, но потом был отравлен Середой и попал в реанимацию. Неизвестно, чем его откачивали, но после того, как он оттуда вышел, временно исчезло половое влечение, Алексей пропустил свидание на заутрене, расслабился, и Анюта исчезла из поля зрения, так и не успев получить ничего, кроме галлюцинаций.

Другая женщина, известная уже донья Исидора, не оставляла своих попыток завладеть Иваном, но Пенкина стояла на страже – не как возлюбленная, а как сестра.

Исидора обычно подъезжала на джипе ранним утром, вечером она была допоздна занята в своем кабаре. Джип был завален цветами, подаренными донье за стриптиз.

Все эти цветы она передавала через портье Ивану, который в это время обычно принимал душ, брился и ел на завтрак овсяную кашу. В номер донья подниматься не осмеливалась, боялась Ольги.

Иван сваливал цветы в угол, позже Ольга передавала их на реализацию мадам Дюбуазье, пожилой женщине, которая торговала ими на бульваре и отсчитывала Ольге пятьдесят процентов с выручки. А Исидора терпеливо ждала, когда Иван спустится, чтобы уехать на полигон.

Иван в окружении товарищей быстро и деловито спускался по лестнице, Исидора бросалась ему навстречу с криком:

– Вания, я есть хотеть любить!

Неизвестно, что она под этим подразумевала.

Иван обычно коротко интересовался здоровьем Переса и передавал ему привет. После чего уезжал с капитаном Маккензи.

Так развивался этот роман. Можно сказать, стоял на месте.

Исидора пыталась подкупить Ольгу, сулила ей пятьдесят тысяч франков за то, чтобы Ольга проваливала обратно в Россию. Засиделась, мол. Обещала следить за парнями, приставить к ним гувернантку. Но Ольга отказалась. Неизвестно еще, что за гувернантка. Наверняка проститутка, а может, и хуже, хотя хуже этого Ольга не могла себе представить.

Истекли две недели, и стажерам были предоставлены три дня на самостоятельную подготовку к экзаменам. Ребята занялись теорией, практика уже стояла ядами поперек горла. И, конечно, гадали относительно места распределения.

– Хорошо бы на Майами или во Флориду, – сказал Вадим.

– А по мне так лучше домой, – признался Иван. – Криминогенная обстановка.

– Она везде криминогенная. Нужно только поискать, – сказал Вадим.

– А может, пошлют в научно-исследовательский институт? – высказал свое тайное желание Заблудский, которому, честно говоря, не хотелось связываться с мафиями. Лучше нюхать наркотики, быть экспертом.

– Ребята, а как же я? – опечалилась Ольга.

– А ты с Максимом и Федором домой поедешь, – не без злорадства заявил Вадим. – Кстати, вчера видел их работу в витрине галереи. Здесь неподалеку. Страшная мазня. Подписано Максим и Федор. Семь тысяч франков...

– Растут ребята... – заметил Алексей.

– Они уже, наверное, дома давно. Уже в Крестах, – сказал Иван.

– Ой, сомневаюсь, – сказала Ольга.

Последний вечер перед экзаменам посвятили причастию и профилактике отравлений. Причастились все, даже Ольга. На всякий случай. Алексей сделал соответствующие распоряжения по имуществу, а потом до глубокой ночи молился. На него жалко было смотреть.

– Слышь, Лешк, кончай нудеть, – сказал Иван, когда Алексей уже в десятый раз завел «Отче наш». – Смотри лучше, что я придумал.

И он вынул из кармана длинную зеленую резинку, напоминавшую кондом, только длиннее. Это был детский воздушный шарик в виде тонкой колбаски.

– Не понял, – сказал Заблудский.

– Ну и дурак. Спасение твое, – сказал Иван.

Глава 30

Экзамен

Маккензи приехал в семь утра. Подтянутый, как всегда, бритый наголо. Стажеры поняли: чтобы лучше, больнее бить противников лысой башкой. В данном случае, экзаменующихся.

– Готовы, ебена мать? – весело спросил он.

Этой матерью он уже всех достал. Пробовали обучить его для разнообразия другим матерным выражениям, но он твердил как попугай: ебена мать да ебена мать, будто других слов нету.

Стажеры молча кивнули.

Капитан посчитал это за признак волнения, выложил на стол три расписки. На каждой было написано: «В моей смерти на экзамене прошу винить меня самого». Все трое расписались, также молча.

– Да что вы как воды в рот набрали, ебена мать? – спросил Маккензи.

– Переживают, – сказала Ольга, провожавшая ребят на экзамен.

Маккензи рассмеялся.

– Правильно переживают! Не будь я капитан Маккензи, если сегодня все трое вернутся домой. Такого еще не было. Кого-нибудь да провалю. В подземное царство, – мрачно и тяжело-ловесно пошутил он.

Стажеры проследовали в автомобиль. По пути приняли цветы от доньи, выслушали еще раз ее притязания. На этот раз Иван несколько растрогался, пожал на прощание донье руку. Влюблена баба как-никак. Чем она виновата?

На полигон приехали в девять утра. В небольшом коттедже для отдыха и развлечений уже ждала стажеров экзаменационная комиссия: полковник и майор, оба англичане, и старик-кореец с жидкой бороденкой. Он спал в кресле. А может, глаза такие узкие.

Иван сразу показал, что он настроен по-боевому. Едва стажеры были представлены комиссии, а их расписки выложены на стол, как Иван мрачно проговорил:

– Пускай Джеральд тоже распишется. Леш, переведи, чтобы тоже дал такую расписку.

Голос у Ивана был глухой, чуть булькающий.

Заблудский перевел. Тоже булькающим голосом.

– Русская делегация просит, чтобы капитан Маккензи дал такую же расписку.

– Я?! – изумился капитан. – Зачем?

– Мало ли... – уклончиво проговорил Иван.

Маккензи пожал плечами, но все же написал на листке: «В моей смерти на экзамене прошу винить меня самого». При этом посмотрел на Ивана весьма выразительно. Мол, готовься к смерти, парень.

Однако было видно, что слегка перетрухал.

– Ну вот, теперь мы на равных, – пробультал Иван.

Церемония была окончена. Все пошли в лабораторию ядов. Экзамен начинался с ядов, ибо этот предмет многое прояснял.

Маккензи повязал фартук, надел резиновые перчатки и начал готовить яд для Заблудского. Из пяти компонентов, одним из которых была ртуть. Он смешал смесь в миксере, как бармен, налил в бокал и придвинул Леше.

– Плиз, сэр.

Леша посмотрел формулу, затем подошел к холодильнику, нашел пакет молока, налил в стакан. Комиссия наблюдала за его действиями с интересом.

Затем Заблудский взял фужер двумя пальцами и проговорил голосом чревоушителя:

– Ваше здоровье!

И заглотил фужер яда, запив его молоком.

Врач реанимационной бригады сделал знак медсестрам готовить промывание желудка и переливание крови. Маккензи смотрел на экзаменующегося с уважением и даже некоторой благодарностью. Он решил, что Алексей добровольно уходит из жизни, чтобы не осложнять комиссии работу.

Прошла минута, другая. Алексей не умирал.

– Расчетное время яда прошло, – объявил полковник. – Курсант Заблудский получает зачет.

– Сеньк ю, – пробулькал Алексей.

– Ит из импоссибл, – прошипел Маккензи и начал готовить снадобье для Вадима.

Вадим запил сложный яд капитана минералкой. И тоже не умер.

Старик-кореец широко раскрыл глаза. Проснулся. Вадим получил зачет.

В фужер для Ивана Маккензи слил все, что имелось в лаборатории. Иван вспомнил своих любимых Тома и Джерри, когда Том готовит адскую отравленную смесь для своего маленького друга. Между прочим, жидкость в фужере так же дымилась и постреливала, как в мультфильме.

Иван даже холодильника не раскрыл. Маханул фужер одним глотком и занюхал обшлагом рубашки.

– Ну, ебена мать, теперь понимаешь?! – храбро пробулькал он Маккензи.

Медсестра поднесла капитану валерьянки.

Первый раунд был выигран вчистую. Объявили пятиминутный перерыв.

Курсанты вышли в туалет. Реаниматоры пока не уходили, ждали, чем все это кончится.

В туалете Заблудский широко открыл рот, и Иван осторожно вытянул у него из желудка длинную кишку воздушного шарика, в конце которой болталась увесистая смертоносная капля яда. Кондом сработал!

Такая же резиновая кишка была извлечена из Вадима. Но когда Алексей заглянул в рот Ивану, чтобы помочь ему избавиться от кондома, то кишки не обнаружил.

– Ваня, ты ее не проглотил?

Иван засунул палец в рот, искал.

– Нету... – сказал он.

Все трое разом представили, как в желудке Ивана резиновым комочком лежит смертоносная порция в сто пятьдесят граммов яду.

– Как ты думаешь, может разесть резину? – озабоченно спросил Иван.

– Это вряд ли. Лишь бы не пролилось. Ты осторожнее, не делай лишних движений, – посоветовал Леша.

Все трое, избавившись от кондома в горле, говорили уже нормальными голосами.

Однако лишних движений предстояло сделать довольно много. Начинались зачеты по единоборствам.

Первой значилась стрельба. Маккензи, потерпевший страшное фиаско на ядах, был полон решимости уложить всех троих, лишь бы поправить свое реноме.

На этот раз начинал Иван.

Перестреливались на стрельбище, с трех сторон укрытом брустверами с цветущими на них тюльпанами. Красиво было вокруг, пели французские птицы. Иван потихоньку прислушивался к желудку, хотя знал, что яд мгновенного действия. Если хоть капля просочится, – все, хана.

– Выбирайте оружие, – сказал полковник.

– Шестизарядный Смит-Вессон, – сказал Маккензи.

– Автомат Калашникова, – предложил Иван.

Это тоже была домашняя заготовка. Автомат Калашникова в программу входил, но стреляли из него по мишеням, друг по другу – никогда. Велика вероятность поражения насмерть.

– Хорошо, ебена мать, – сказал Маккензи.

Комиссия, врачи и экзаменующиеся укрылись в блиндаже с телевизионными мониторами, на которых хорошо была видна цветущая поляна стрельбища. Преподавателю и курсанту дали по автомату, бронежилету и каске. Надев амуницию, они разошлись метров на пятьдесят, повернулись лицом друг к другу.

– Огонь! – скомандовал по трансляции полковник.

Оба разом упали на траву и принялись поливать друг друга очередями. На мониторах хорошо были видны лица курсанта и преподавателя. На обоих была зверская решимость прикончить противника. Но Иван выглядел человечнее.

Одна за другой возникали на касках вмятины от пуль. Комиссия вела счет. Вадим и Леша тоже считали, болея.

– Маккензи ведет три-два. А вот сравнялись, видишь...

Внезапно Иван вскочил на ноги. Капитан сразу же дал очередь веером, но Иван подпрыгнул, пули прошли под ногами. Приземлившись, Иван с большего угла буквально прошил противника, оставив на бронежилете экзаменатора ровную строчку отметин, будто пробежала сороконожка. Набрал этим кучу очков.

Полковник с майором обменялись одобрительными репликами.

Маккензи перекосило. Он пополз по-пластунски к Ивану, осыпаясь градом пуль.

– Прикладом добить хочет, – предположил Алексей.

– Прикладом нельзя. Зачет по стрельбе, – напомнил Вадим.

Теперь противники били друг по другу в упор, так что отскочившие пули, случалось, возвращались обратно. Маккензи тупо бил в одну точку Ивановой каски, будто буравил дыру в стене шлямбуром. Вмятина была чудовищная, палец влезет. Иван набирал очки выстрелами по туловищу. Бронежилет Маккензи разлохматился, напоминал уже дедовский разлезшийся ватник, найденный на чердаке пятьдесят лет спустя после смерти деда.

Комиссия сбилась со счета попаданий.

И тут патроны у обоих кончились.

– Гранату, ебена мать! – прорычал Маккензи.

Это был дополнительный вопрос по билету. Ассистенты, сидевшие на корточках в укрытии, как мальчики на корте, бегом поднесли состязающимся по гранате, те разом вырвали чеку, метнули и взорвались, обезобразив зеленое стрельбище.

Когда дым и пыль рассеялись, в глубоких воронках лежали окровавленные, но живые, курсант и преподаватель.

Обоих унесли в медчасть. Комиссия после небольшого разбора поставила Ивану отлично. О служебном соответствии Маккензи пока не говорили.

Был объявлен получасовой тайм-аут, во время которого Ивану и Джеральду накладывали швы. Капитан вернулся на экзамен весь в повязках и вызвал на поединок Вадима. На этот раз выбрали пистолеты ТТ и по три обоймы каждому. Вадим сразу ушел в глухую защиту, улегся в воронку, образованную взрывом, и стал потихоньку закапываться в рыхлую землю, вибри-

руя всем телом. Напрасно Маккензи кричал ему про мать и требовал, чтобы Вадим показал хоть какую-нибудь часть тела. Вадима не было видно, из земли торчала только каска и кисть с пистолетом, который производил ритмичные выстрелы.

Оба остались невредимы, Вадим получил удовлетворительно.

Без перерыва экзаменовался Заблудский. Он показал себя настоящим работником культуры, подошел к экзамену как эстет. Потребовал дуэльные пистолеты Лепажа. Тут, конечно, не только любовь к истории и красоте сыграла свою роль. Пистолет Лепажа однозарядный, и Леша надеялся – авось пронесет.

При таких пистолетах и правила стрельбы были дуэльные. Стрелялись с десяти шагов. Преподавателя и курсанта развели по обе стороны барьера, обозначенного ветками боярышника, и скомандовали сходитьсь. Маккензи выставил руку с пистолетом вперед и направился к барьеру с видом человека, у которого нет времени на пустяки. Быстро расправиться – и дальше.

Заблудский двинулся навстречу капитану бочком, приставным шагом, как артист пантомимы. Внезапно, не доходя метров двух до барьера, Заблудский вытарашил глаза и ткнул указательным пальцем в небо:

– Гляди, ебена мать!

Маккензи, конечно, задрал голову вверх и вытаращился на чудо, увиденное Алексеем. Но ничего там не увидел. Алексей улучил момент и выстрелил. Попал аккуратно в пистолет противника, разнес его в щепки. Со страха, конечно. Но выглядело это эффектно. Комиссия впервые заплодировала.

Маккензи завыл от боли в перебитой кисти, в которой была зажата сломанная рукоять пистолета. Как в дерьмо опущенный.

Алексей получил отлично и особый значок за изящество и артистизм, которым награждались агенты Интерпола, сумевшие справиться с преступником наиболее быстрым, красивым и бескровным способом. На значке был изображен Чарли Чаплин, повергающий на землю с помощью своей трости огромного верзилу.

Разобравшись с курсантами, обратились к преподавателю.

– Капитан! – сказал полковник. – Интерпол отмечает исключительно высокую подготовку русских курсантов, их сообразительность и ловкость. Спасибо, Джеральд... Но вы устали. Вам нужно отдохнуть.

– Да... Да... – потерянно твердил Маккензи. – Но кто будет экзаменовать парней дальше?

– Мы попросим мистера Пак Чжонхи, нашего эксперта, – указал полковник на дремлющего корейца.

– А вы не боитесь, полковник, что в этом случае Интерпол не получит ни одного специалиста? Вдобавок тела отправлять в Россию. Сплошные расходы, – сказал Маккензи.

– Ничего, мы попросим мистера Пака работать в одну треть его силы. – Полковник потряс старичка за плечо. – Серти сри персент, мистер Пак! – проорал он ему в лицо.

Глуховатый старичок проснулся, захлопал узкими глазками, как китайская кукла, затряс седой бородой. Но потом закивал, мол, понял. И ушел переодеваться.

– Я вам не завидую, ебена мать, – прямо заявил Маккензи стажерам. – Старина Пак из вас котлету сделает.

– Этот божий одуванчик? – удивился Заблудский.

– Угу. Божий, – Маккензи сплюнул кровью.

Старичок появился в длинной белой хламиде, под которой невесомо колебалось его тщедушное тельце. Сложил морщинистые ручки перед собою и поклонился партнерам.

– Раздевайтесь, – приказал Маккензи.

Он уже развалился в кресле, потягивал джус.

– Парни, я не смогу его бить. Ему же за восемьдесят, – сказал Иван, раздеваясь.

– Ну, ты осторожнее... Мягче... Ногами не бей, – посоветовал Леша.

Иван разделся до своей чемпионской формы и вышел на татами. Поклонился старичку.

Однако тот посчитал, что уже кланялся русским, поэтому вместо приветствия просто вспорхнул в воздух, как бабочка-капустница, и произвел ногами какое-то движение, которое никто не уловил в силу его абсолютной молниеносности. Наблюдатели успели зафиксировать только сам момент касания пятки старичка иванова носа. Пятка была тоже морщинистая, чистенькая. Вообще старичок был ухоженный.

Ивана откачивали десять минут. Старик в это время дремал на татами в положении стоя. А может, медитировал.

Когда Иван пришел в сознание, он спросил:

– Что это было? Какой прием?

– Радужный, – сказал Заблудский.

Иван вышел на татами и сразу, уже без прежнего пиетета, бросился на старичка. Он тоже хотел поразить его пяткой, красиво полетел на него в положении стрелы, но старик, неуловимо отклонившись, перехватил пятку Ивана и, продолжив его стремительное движение, направил дальше.

Иван улетел метров на десять и рухнул на ковер, как подбитый самолет.

Последующие пять минут были посвящены полетам Ивана над, рядом и даже под старичком. В это время старик напоминал юного авиаконструктора, который проводит испытания новой летающей модели. Наконец ему это надоело, и он прикончил свою модель коротким ударом ребра ладони по печени, когда Иван в очередной раз, матерясь, пролетал мимо.

Ивана унесли, а на ковер вышел бледный капитан Богоявленский. Он попытался сразу провести удушающий прием, старик дал себя обнять, и Вадим изо всей силы сдавил его, как вдруг, охнув, стал оседать и сполз по старичку вниз.

Кореец сделал знак врачам, чтобы они действовали быстрее. Видимо, прием был серьезный. Но какой – об этом оставалось только гадать.

Заблудский вышел на татами с широкой улыбкой и сразу направился к корейцу с протянутой растопыренной пятерней. Хотел, видно, пожать ему руку, поблагодарить за прекрасное владение ушу. Старик тоже улыбнулся, польщенный, и протянул узкую ладошку Леше. Однако тот, схватив ладошку, тут же резко дернул руку старика вниз и подставил колено, чтобы встретить его лицо. Невесомый кореец врезался бороденкой в лешино колено и упал. А Заблудский, недолго думая, ухватился за край его хламида и натянул ему на голову, лишив экзаменатора ориентации. Запакованный в собственное одеяние старик беспомощно барахтался на татами. Алексей поднял его, как мешок, из которого торчали ноги, и раскрутив, бросил за ковер. После чего, победно ткнув кулаком в небо, удалился с ковра.

Когда потрясенный кореец выпутался из хламида, он подошел к Заблудскому и, упав на колени, ткнулся лбом ему в ступню.

– Ничего, отец. Бывает... – ласково проговорил Алексей.

Заблудский получил отлично и второй значок с Чарли Чаплином, остальные довольствовались тройками...

Вечером пили у себя в номере. Алексей живописал события устно, Ольга строчила статью в «Курьер», посвященную экзамену, Вадим сочинял рапорт в ФСБ.

Перевязанный с ног до головы Иван прислушивался к желудку, где, как бомба замедленного действия, лежал яд Маккензи. Затем ушел в туалет. Через пять минут оттуда донесся его торжествующий рев.

– Просрался... – счастливо улыбнулась Ольга, оторвавшись от статьи.

Глава 31

Распределение

Не успели затянуться экзаменационные раны, как курсантов пригласили на распределение. Уже имелся факс из Москвы, в котором генерал Карамышев давал разрешение на использование новоиспеченных агентов в Интерполе в течение шести месяцев. Это была плата ФСБ и милиции за обучение.

С Заблудским было сложнее. С одной стороны, комитет по культуре никак не рассчитывал получить назад дипломированного агента Интерпола, поэтому платить за обучение не собирался. Более того, Заблудского уже заочно уволили из библиотеки за прогулы. С другой стороны, он был отличник, прошедший испытания без единой царапины с двумя почетными знаками. Кроме того, умел распознавать наркотики. Интерпол задним числом оформил Алексею стипендию, которую и засчитали в качестве платы за обучение.

Оставалась Ольга. Ей не составило труда продлить заграничную командировку и получить новое задание: следовать за агентами хоть на край света и расписывать их подвиги. Вместе с заданием пришли гонорар и командировочные – целых четыре тысячи долларов, часть из которых тут же пропили.

Наконец через пять дней после экзамена курсанты предстали перед той же комиссией, на этот раз усиленной генералом Ферри О'Нейлом и ослабленной отсутствующим корейским специалистом Паком, который все еще находился в больнице после общения с Заблудским.

Генерал О'Нейл был брав и эффектен, как дюжина попугаев. Он затмил Джеральда, который был весь в бинтах, к тому же простужен и с приступом острого остеохондроза. Совсем скрутило мужика.

Комиссия восседала за столом, накрытым красным бархатом. На столе лежали удостоверения, жетоны Интерпола в виде небольшого овального платинового знака с чеканкой IP, крепящегося к оборотной стороне лацкана, и несколько маленьких цветных упаковок непонятного происхождения и назначения.

Стажеры вытянулись перед комиссией. Ольга в стороне, пристроив на треноге свою «Минолту», запечатлевала торжественную сцену.

– Учтите, мадемуазель, при публикации фотографий на всех лицах должны быть черные маски, – сказал генерал Ферри.

– Заретуширую, – пообещала Ольга.

– Итак, господа, – обратился генерал к стажерам, – вы закончили полный курс стажировки и успешно выдержали экзамен, – генерал покосился на Маккензи, который, скрючившись, сидел за столом, положив на колени забинтованные кулаки. – Я имею честь вручить вам удостоверения и нагрудные знаки агентов Интерпола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.